

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА «ОБЩЕНИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЯ»

**«ЛЮБОВЬЮ ВЕЧНОЮ
Я ВОЗЛЮБИЛ ТЕБЯ,
СЖАЛИВШИСЬ
НАД ТВОИМ НИЧТОЖЕСТВОМ»**

РИМИНИ 2016

«ЛЮБОВЬЮ ВЕЧНОЮ
Я ВОЗЛЮБИЛ ТЕБЯ,
СЖАЛИВШИСЬ
НАД ТВОИМ НИЧТОЖЕСТВОМ»

Упражнения Братства
«Общениа и освобождения»

РИМИНИ, 2016

«По случаю ежегодных духовных упражнений Братства “Общения и освобождения”, которые проходят в Римини и имеют своей темой фразу «Любовью вечною я возлюбил тебя, сжалившись над твоим ничтожеством» (Иер. 31, 3), Его Святейшество папа Франциск устремляет к участникам самые теплые мысли и пожелания и напоминает, что Юбилей милосердия представляет собой благоприятную возможность вновь открыть красоту веры, ставящей в центр милосердную любовь Отца, которая делается зримой в лике Христа и поддерживается Духом, направляющим стопы верующих на пути истории.

Милосердие – это дорога, которая соединяет Бога и человека, потому что открывает сердца надежде на то, что мы любимы, невзирая на ограничивающий нас грех. Святейший Отец желает всем, кто следует за харизмой покойного монс. Луиджи Джуссани, свидетельствовать о милосердии, исповедуя его и воплощая в жизнь в делах милосердия – телесных и духовных, и да будут они знаком близости и нежности Бога, чтобы современное общество могло вновь увидеть необходимость в солидарности, любви и прощении.

Он призывает небесное покровительство Девы Марии и, прося молитвенной поддержки его служения на престоле святого Петра, сердечно преподает вам и всем участникам упражнений, в том числе и тем, кто присоединился к ним по спутниковой связи, и всем членам Братства апостольское благословение, о котором вы просили».

Кардинал Пьетро Паролин, госсекретарь Его Святейшества,
29 апреля 2016 г.

Пятница, 29 апреля, вечер

На входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт. «Реквием» ре минор, К 626
Герберт фон Караян – Венский филармонический оркестр
«Spirto Gentil» n. 5, Deutsche Grammophon

■ ВВЕДЕНИЕ

Хулиан Каррон

Никакое действие нашей сознательной жизни не будет истинным, если оно не рождается от признания, что мы грешники. «Мы здесь, потому что прежде всего признаем этот факт: мы грешники. Если вы чувствуете себя праведными, то ошиблись местом, и в таком случае все бесполезно, – говорил нам отец Джуссани, – поскольку осознание собственной греховности – первостепенная истина о человеке, действующая в жизни и в истории»¹. Грешники, то есть люди нуждающиеся. Именно наша нужда пробуждает вопль, просьбу, которую мы только что услышали в «Реквиеме» Моцарта: «*Salva me, fons pietatis*» – «Спаси меня, источник милости»². Так говорил и мытарь в глубине храма: «Боже, помилуй меня грешного»³.

Попросим Духа Святого, чтобы Он позволить нам осознать, как мы нуждаемся в Его милосердии.

Снизойди, Дух Святой

Начнем с чтения письма, которое направил нам папа Франциск:

«По случаю ежегодных духовных упражнений Братства “Общения и освобождения”, которые проходят в Римини и имеют своей темой фразу «Любовью вечною я возлюбил тебя, сжалившись над твоим ничтожеством» (*Иер.* 31, 3), Его Святейшество папа Франциск устремляет к участникам самые теплые мысли и пожелания и напоминает, что Юбилей милосердия представляет собой благоприятную возможность вновь открыть красоту веры, ставящей в центр милосердную любовь Отца, которая делается зримой в лике Христа и поддерживается Духом,

¹ *Questa cara gioia sopra la quale ogni virtù si fonda*. Esercizi Spirituali della Fraternità di Comunione e Liberazione. Appunti dalle meditazioni [di Luigi Giussani]. Rimini, 1993 // *Litterae communionis*–CL. N. 6. 1993. P. 5.

² В.А. Моцарт. «Реквием» ре минор. К. 626. III. Секвенция. №. 3. *Rex Tremendae*. CD «Spirto Gentil» n. 5.

³ *Лк.* 18, 13.

направляющим стопы верующих на пути истории. Милосердие – это дорога, которая соединяет Бога и человека, потому что открывает сердца надежде на то, что мы любимы, невзирая на ограничивающий нас грех. Святейший Отец желает всем, кто следует за харизмой покойного монс. Луиджи Джуссани, свидетельствовать о милосердии, исповедуя его и воплощая в жизнь в делах милосердия – телесных и духовных, и да будут они знаком близости и нежности Бога, чтобы современное общество могло вновь увидеть необходимость в солидарности, любви и прощении. Он призывает небесное покровительство Девы Марии и, прося молитвенной поддержки его служения на престоле святого Петра, сердечно преподает вам и всем участникам упражнений, в том числе и тем, кто присоединился к ним по спутниковой связи, и всем членам Братства Апостольское благословение, о котором вы просили. Кардинал Пьетро Паролин, госсекретарь Его Святейшества».

«Тогда ученик, которого любил Иисус, говорит Петру: это Господь. Симон же Петр, услышав, что это Господь, опоясался одеждою, – ибо он был наг, – и бросился в море». Находясь рядом с Ним, «из учеников никто не смел спросить Его, Кто Ты? Зная, что это Господь»⁴.

«И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его. Но Он стал невидим для них. И они сказали друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?»⁵

В рассказах о явлениях Христа воскресшего постоянно упоминается изумление, которое охватывает учеников, когда они видят Его перед собой. Посреди них царит Его живое присутствие, определяющее их жизнь и действия.

Трогательно наблюдать за тем, как Иисус склоняется над их нуждой, над растерянностью, которую заронили в них Его страдания и смерть. Он отвечает на страх учеников, на их слезы, одиночество, сомнения, ностальгию Своим присутствием. Но откуда рождается их нужда? Почему она так остра после всего того, что они годами видели и испытывали? Потому, что история, прожитая с Иисусом, три года, проведенные рядом с Ним, слова, услышанные от Него, не способны ответить на их нужду в настоящем.

Воспоминания о прошлом, пусть даже удивительном, не достаточно, чтобы лицом к лицу встретить настоящий момент. И действительно, ученики на пути в Эммаус говорили друг другу: «А мы надеялись было, что Он

⁴ Ин. 21, 7, 12.

⁵ Лк. 24, 30–32.

есть Тот, Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло»⁶. Все знаки, все время, проведенное с Ним, все их совместные трапезы не могли одолеть неуверенность, страх и одиночество. Об этом неизменно будет свидетельствовать плач Марии Магдалины. Только Его живое присутствие дает ответ, соразмерный их нужде. И именно благодаря ему ученикам в их собственном опыте открывается подлинная природа христианства. Христианство не доктрина, не этика, не чувство, а факт – Присутствие в настоящем, господствующее во взгляде того, кто с Ним встречается, Присутствие, чья единственная забота – являть Себя, охватывать жизнь Своих друзей, позволяя им жить без страха, без печали, хотя Он уже не пребывает с ними так, как до Своей смерти.

Учеников объединяет Его живое присутствие, составляющее единственную подлинную основу их общения. И именно этот опыт помогает им еще яснее осознать их инаковость.

1. Стиль Бога

Бог так действовал, так являл Себя по Воскресении, что его ученики становились отличными от остальных, и для них все более насущным становился вопрос, заданный на Тайной Вечере Иудой Фадеем: «Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?»⁷ Бенедикт XVI, обращаясь к этому вопросу в книге «Иисус из Назарета», добавляет: «Почему Ты при всем могуществе не выступил против Твоих врагов, приведших Тебя на Крест? Почему Ты не явил Себя им с неопровержимой силой, не показал, что Ты жив, что Ты – Господь жизни и смерти? Почему Ты явил Себя лишь небольшой группе учеников, свидетельству которых мы должны довериться? Этот вопрос относится не только к Воскресению, но и к тому способу, каким Бог открывает Себя миру. Почему только Аврааму, почему не сильным мира сего? Почему только Израилю, а не неопровержимо всем народам земли?»⁸

И вот ответ: «Тайна Божия состоит в том, что Он действует очень тихо и неприметно; что внутри великой истории человечества Он создает Свою историю; что Он становится Человеком и при этом может быть не замечен Своими современниками, авторитетными силами истории; что Он страдает и умирает и как Воскресший желает прийти к челове-

⁶ Лк. 24, 21.

⁷ Ин. 14, 22.

⁸ Й. Ратцингер – Бенедикт XVI. *Иисус из Назарета. От Входа в Иерусалим до Воскресения*. М.: Изд-во францисканцев. С. 195–196.

ству только через веру Своих учеников, которым Он и являет Себя; что Он продолжает тихо стучать в двери нашего сердца и, если мы открываем Ему, постепенно делает нас зрячими»⁹, а значит, и способными понять.

Тут Бенедикт XVI замечает: «И все же – не это ли подлинно Божественный способ? Не подавлять внешней силой, но давать свободу и пробуждать [любовь]. И не является ли кажущееся малое, если мы хорошо подумаем, поистине великим? Не оставил ли Иисус светлый след, идущий через столетия и постоянно увеличивающийся? Подобный след не мог оставить обычный человек, но лишь Тот, в Ком свет Божий действительно сияет миру. Могла ли проповедь апостолов пробудить веру и создать сообщество, распространившееся по всему миру, если бы в ней не действовала сила истины? Если мы бодрствующим сердцем прислушаемся к свидетелям и откроемся тем знамениям, с помощью которых Господь постоянно подтверждает подлинность их свидетельства и Самого Себя, мы поймем: Он воистину воскрес. Мы доверимся Ему и будем знать, что мы на правильном пути. Вместе с Фомой мы прикоснемся к пронзенному боку Иисуса и исповедаем: “Господь мой и Бог мой!” (Ин. 20, 28)»¹⁰. Вот это и приводит в замешательство – сегодня, как и тогда.

Для учеников отправной точкой был незабываемый факт. Их сознание определялось явлением Христа, живом встречей с Живущим. Однако тот же самый факт заставлял их спрашивать: «Почему Ты выбрал нас?» – и вопрос распахивал в них сознание о методе Бога, избирающего (предпочитающего) некоторых, чтобы достичь всех, и о Его тихом и неприметном способе действовать. Вот божественный стиль: действовать не вмешательством силы, а пробуждением свободы, без всякого принуждения. Об этом нам поразительным образом напоминает Пеги: «Этой свободе... Я пожертвовал всем, говорит Бог, / Этому желанию быть любимым свободными людьми, / Свободно»¹¹.

Этот Божий метод и его осознание особенно важны сегодня, ведь «мы переживаем не столько эпоху перемен, сколько перемену эпохи»¹², как говорит папа Франциск. В последние годы мы часто затрагивали тему перемен. Новое положение, для которого характерна утрата давней уверенности во многих вещах, вызывает в нас, как и в учениках, замешательство, страх, сомнения по поводу того, как относиться к происходящему.

⁹ Там же. С. 196

¹⁰ Там же. С. 196.

¹¹ Ш. Пеги. *Мистерия о младенцах Вифлеемских / Избранное. Проза. Мистерии. Поэзия.* М.: Русский путь, 2006. С. 341

¹² Франциск. *Обращение к участникам V Национальной встречи Церкви в Италии.* Флоренция, 10 ноября 2015 г.

В недавнем блестящем интервью Бенедикт XVI подчеркнул ключевой аспект, важнейшее измерение этой перемены эпохи: «Для современного человека все в некотором смысле перевернулось с ног на голову по сравнению со временами Лютера и классической перспективой христианской веры [при которой на первом месте стояла забота о вечном спасении]... Человек уже не верит, что нуждается в оправдании перед лицом Бога, он, скорее, придерживается мнения, будто это Бог должен оправдаться [перед человеком] за все чудовищные события, творящиеся в мире и за несчастья рода человеческого, за все то, что, в конечном итоге, должно бы зависеть от Него»¹³.

Мы переживаем самый настоящий переворот в понятии об испытании совести. Теперь уже Бог должен как-то оправдываться перед нами, а не человек перед Ним: вот в какой ситуации мы оказались, такова «основная тенденция наших времен»¹⁴. Это Бог должен как-то оправдаться перед человеком, а не наоборот; парадоксально, но именно Бог должен – в положительном смысле – доказать, что Он достоин человека, его запросов, его вопля. «Все в некотором смысле перевернулось с ног на голову», произошел переворот в понятии об испытании совести: эта обязанность легла на Бога. И теперь уже Он должен доказать, что нужен человеку, что необходим для его жизни.

Поразительно, но отец Джуссани давным-давно уловил признаки и важность этих эпохальных перемен и сделал описанный переворот краеугольным камнем своего метода. Кажется, что Бог, Бог, ставший человеком, и Его присутствие в истории – Церковь – должны оправдаться перед людьми, или, если выражаться более привычными для нас словами, «должны предстать перед судом, где ты, опираясь на свой опыт, являешься судьей»¹⁵.

Именно такой подход характеризовал начало нашего Движения. В отличие от многих других отец Джуссани уже в пятидесятые годы осознал, что христианство, хотя и являлось всеобщим традиционным бэкграундом, уже не приживалось в молодежи, с которой ему приходилось сталкиваться в школе и вообще в Милане. Ему было ясно: Бог, ставший человеком, Христос, должен был заново «оправдаться» перед молодыми людьми, не хотевшими ничего знать о Боге и считавшими своим долгом наконец-то освободиться от Него. Следовательно, надлежало вновь доне-

¹³ Интервью с Его Святейшеством папой на покое Бенедиктом XVI на тему оправдания верой // *Per mezzo della fede* / A cura di Daniele Libanori. Cinisello Balsamo-Mi: San Paolo, 2016. P. 127. См. также: *L'Osservatore Romano*, *Avvenire*. 16 marzo. 2016.

¹⁴ *Ibidem*. P. 128.

¹⁵ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro* (1986–1987). Milano: Bur, 2010. P. 300.

сти до них христианство согласно его природе: как событие, охватывающее жизнь здесь и сейчас и меняющее ее.

Не желая что-либо навязать, отец Джуссани с первого дня в школе предстал перед судом своих учеников и вверил свое предложение их суждению. «Я здесь не ради того, чтобы вы усвоили идеи, которые я вам предлагаю, – сказал он на первой лекции в лицее, – но чтобы научить верному методу суждения о том, что я говорю»¹⁶.

Характерная черта его метода – возведение христианства как события, которое предстает перед судом нашего опыта. Вот почему с самого начала, с первой главы «Религиозного чувства» отец Джуссани объясняет своим молодым собеседникам, что в их распоряжении имеется критерий, позволяющий судить о том, чем он с ними поделится. Критерий этот – сердце.

В последнем же томе трилогии «Путь» («Зачем Церковь») он вновь утверждает, что предложение Христа достигает людей через Церковь, и Церковь желает «мерить себя» как раз таким критерием суждения, «отдавая Себя на милость подлинного человеческого опыта. Она вручает свою весть суду изначальных критериев нашего сердца. Она не выставляет условий, которые нужно соблюдать машинально, а вверяется суждению нашего опыта и, более того, непрестанно побуждает проделать путь до конца. <...> Церковь повторяет за Иисусом, что ее можно признать достойной доверия в силу Ее соответствия исходным потребностям человека в их наиболее подлинном виде. Именно это имел в виду Иисус, когда произнес слова, которые мы уже цитировали и которыми Он пообещал Своим ученикам “во сто крат” в мире сем. Церковь, – продолжает отец Джуссани, – как бы говорит человеку: “Со мной ты достигнешь опыта такой полноты жизни, какой не найдешь больше нигде”. И Церковь, словно на лезвии бритвы, стоит на этом обещании и подвергает себя испытанию, предлагая себя как продолжение Христа»¹⁷.

Так как же Бог оправдывается перед людьми, перед нами? Оправдание Бога зовется «соответствием», ни в каком другом случае невозможным соответствием глубинным и неискоренимым потребностям сердца человека, каждого человека, человека реального, тем потребностям, что преследуют нас помимо нашего желания, оставляя нас неизлечимо беспокойными, чего бы мы ни достигли. Бог оправдывается перед человеком посредством «большого блага», цветения, которое Он производит в жизни, полноты человечности, которую вносит в существование и которой человек не в состоянии добиться одними лишь своими усилиями.

¹⁶ Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 130.

¹⁷ Ср. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. Milano: Rizzoli, 2014. С. 227–228.

Одним словом, настаивает отец Джуссани, Церковь не мошенничает, ведь «каждый может подвергнуть проверке все, что она говорит и совершает. Проверь сам, проверь сам – вот ее слова! Она оставляет свое предложение целиком и полностью на суд твоего опыта: тебе выносить суждение». «Невозможно представить себе большую открытость! – добавляет Джуссани. – Церковь не мошенничает, то есть не навязывает ничего, что ты вынужден принять в любом случае, даже не будучи убежденным»¹⁸.

2. «Знамение времени»

Итак, каким же образом сегодня Церковь может оправдаться перед нами и перед человечеством? Нужно четко определить вопрос, ведь, как Джуссани часто говорил нам, цитируя Нибура, «нет ничего более немислимого, нежели ответ на незаданный вопрос»¹⁹. Мы должны понять, в чем заключается проблема наших дней, чтобы ответ на нее был убедительным для каждого из нас.

Каков же вопрос современного человека? Папа Бенедикт XVI в упомянутом интервью связывает его с «осознанием нашей потребности в благодати и прощении»²⁰. Следовательно, Церковь оправдается перед современным человеком, если ответит на его потребность в благодати и прощении.

Именно поэтому Бенедикт XVI говорит: «Для меня тот факт, что идея о милосердии Бога становится все более центральной и определяющей, – своеобразное “знамение времени”. [Уже] папа Иоанн Павел II был глубоко проникнут таким сознанием. <...> Отталкиваясь от личного опыта, из которого ему с первых лет жизни было известно, на какую жестокость способны люди, он утверждал, что милосердие – единственная истинная и действенная реакция на власть зла. Лишь там, где есть милосердие, наступает конец жестокости, злу и насилию»²¹. Иоанн Павел II только и делал, что предлагал милосердие как ответ на зло и насилие. «Папа Франциск полностью поддерживает эту линию. Его папская забота выражается как раз в том, что он постоянно говорит нам о милосердии Бога. Именно милосердие движет в направлении к Богу [именно милосердие привлекает нас], тогда как правосудие нас пугает <...>. На мой взгляд [продол-

¹⁸ L. Giussani. *Una presenza che cambia*. Milano: Bur, 2004. P. 294.

¹⁹ R. Niebuhr. *Il destino e la storia*. Milano: Bur, 1999. P. 66.

²⁰ *Интервью с Его Святейшеством папой на покое Бенедиктом XVI на тему оправдания верой*. Op. cit. P. 128.

²¹ Там же. P. 128–129.

жает с присущей ему пронизательностью Бенедикт XVI], под налетом самоуверенности и собственной справедливости современный человек скрывает глубокое осознание своих ран и своего недостойнства перед Богом. Он ожидает милосердия. Безусловно, не случайно притча о добром самаритянине вызывает особый интерес у наших современников. И не только потому, что в ней настойчиво подчеркивается социальная составляющая христианского существования <...> [Она говорит нам, что] в глубине души люди ожидают, когда самаритянин придет к ним на помощь, склонится над ними, возольет масло на их раны, позаботится о них и отведет в безопасное место. В конечном итоге, они знают, что нуждаются в милосердии Бога и в Его нежности. На фоне жестокости техногенного мира, в котором чувства уже ничего не значат, растет ожидание спасительной любви, даруемой безвозмездно. Мне кажется, в рамках темы божественного милосердия по-новому раскрывается смысл оправдания верой. Отталкиваясь от милосердия Бога, которого ищут все люди, возможно и сегодня заново истолковать основополагающую суть учения об оправдании верой и еще раз явить его во всей его значимости»²².

Преемник Бенедикта XVI полностью согласился с его мыслью. Глубоко сознавая, насколько мы все нуждаемся в Божьем милосердии, папа Франциск совершил гениальный шаг и установил Святой год милосердия. Он (как и Иоанн Павел II, и Бенедикт XVI) обладает особой чувствительностью в отношении современного человека, и понимает, в каком положении тот находится, и ревностно печется о его ранах и тревогах, чем часто поражает и приводит в замешательство людей как вне Церкви, так и внутри, поскольку разрушает привычные рамки и устоявшиеся представления – и для тех, и для других.

«Почему, по-вашему, наши времена и это наше человечество столь нуждаются в милосердии?» – спросили у папы. И тот ответил: «Потому что это израненное человечество, человечество, несущее на себе глубокие раны. Оно не знает, как залечить их и даже полагает, будто залечить их невозможно. <...> К этому добавляется драматичное представление о нашем зле, о нашем грехе как о чем-то неисправимом, о чем-то неподдающемся исцелению и прощению. Нам не хватает конкретного опыта милосердия. Вот еще одна слабая точка наших времен – вера в то, что не существует возможности искупления, что нет руки, поднимающей тебя, объятия, спасающего тебя, прощающего, ободряющего, орошающего неиссякаемой, терпеливой, снисходительной любовью, возвращающе-

²² Там же. Р. 129.

го тебя в нужную колею»²³. Папа, несомненно, осознает проблему и видит пути ее решения, он понимает, каковы раны и что может их залечить, как можно их залечить.

Современный человек нуждается в «конкретном опыте милосердия». И хотя множество людей растеряны мыслями, папе хорошо известно, что нельзя восстановить онтологию, то есть истину человеческого существа, ясное сознание о нем с помощью одних лишь правильных разговоров о человеке или за счет повторения моральной доктрины – это возможно лишь благодаря опыту милосердия, открывающему в нас способность понять в том числе и доктрину.

Поэтому, чтобы исцелить глубокие раны современного человека, папа не стал устраивать конгресс, посвященный милосердию, он не ограничился размышлениями на тему, а предложил решение, которое позволит – нам в первую очередь – на протяжении целого года переживать опыт милосердия. И Святейший Отец сопровождает нас на этом пути, не переставая указывать направление.

Чтобы по-настоящему поддержать человека в его тяготах, чтобы ответить конкретным людям, обремененным хрупкостью, Церковь, а значит, и каждый из нас, прежде всего нуждается в объятии Божьего милосердия – только так мы сможем передать его братьям, которых встречаем.

Такова цель Юбилея милосердия, и она неразрывно связана с «тихим и неприметным» методом Бога: достичь всех через Своих, то есть через Церковь, через компанию тех, кого Он избирает и кто признает Его. Предлагая Церкви Юбилей, Святейший Отец показывает, что не впадает в заблуждение и не считает само собой разумеющейся личность, которой надлежит свидетельствовать о милосердии, и «место», эту личность порождающее²⁴.

О том, что папа сознает и цель, и метод, красноречиво говорит заданный им самим вопрос: «Почему Год милосердия? Что он означает?» – и данный им же ответ: «Церковь [то есть каждый из нас] нуждается в этом исключительном моменте. Я не говорю: Церкви пойдет на

²³ Francesco. *Il nome di Dio è Misericordia. Una conversazione con Andrea Tornielli*. Città del Vaticano-Milano: LEV-Piemme, 2016. P. 30–31.

²⁴ «Действительно, вера нуждается в сфере, позволяющей ей свидетельствовать и сообщать, и эта сфера должна соответствовать и быть пропорциональной сообщаемому. Для передачи чисто доктринальной мысли, идеи, возможно, хватило бы книги или повторения устного послания. Но в Церкви сообщается, в ее живом Предании передается именно новый свет, рождающийся из встречи с живым Богом, свет, затрагивающий самый центр личности, ее сердце, вовлекающий ее ум, волю и сферу» (Франциск. Энциклика *Lumen fidei*. П. 40).

пользу этот исключительный момент. Я говорю: Церковь нуждается в этом исключительном моменте. В нашу эпоху глубинных изменений Церковь призвана внести свой особый вклад и сделать зримыми знаки присутствия и близости Бога. И Юбилей – благоприятное время для всех нас, ведь, созерцая Божественное милосердие, превосходящее любые человеческие ограничения <...>, мы сможем стать более убежденными и убедительными свидетелями»²⁵. Цель – свидетельствование. Метод – созерцание, то есть погружение в опыт милосердия, поскольку первым в нем нуждается христианский народ, то есть мы, каждый из нас.

Что, в конечном счете, требуется от нас? «Обратить взгляд к Богу, милосердному Отцу, и к братьям, нуждающимся в милосердии, – значит, сосредоточить внимание *на сути Евангелия*: на Иисусе, милосердии, ставшем плотью и делающем для нас зримой великую тайну тринитарной Любви Бога». Поэтому «праздновать Юбилей милосердия – значит вновь поместить в центр личной жизни и жизни наших общин отличительную особенность христианской веры – Иисуса, Иисуса Христа, милосердного Бога»²⁶. В булле, провозглашающей Юбилей, папа настаивает: «Иисус Христос – лик Отчего милосердия. Представляется, что в этом слове заключена вся тайна христианской веры. Милосердие стало живым, видимым и достигло вершины в Иисусе из Назарета»²⁷. Таким образом, Святой год дан нам, «чтобы *жить милосердием*. Да, дорогие братья и сестры, этот Святой Год предложен нам, чтобы мы могли ощутить в нашей жизни мягкое и нежное прикосновение Божьего прощения, Его присутствия рядом с нами, Его близости – особенно в моменты острой нужды»²⁸. Так Сам Иисус воскресший склоняется сегодня над нашими ранами.

«Этот Юбилей – особый момент, в который Церковь должна научиться выбирать *“то, что Богу угодно всего”*. А что *“угодно всего Богу?”* – спрашивает папа Франциск. – Прощать Своих детей, являть им милосердие, чтобы и они в свою очередь могли прощать братьев, сияя в мире, как светочи божественного милосердия. <...> Юбилей станет для Церкви *“благоприятным временем”*, если мы научимся выбирать то, *“что Богу угодно всего”*, не поддаваясь искушению думать, будто существует что-либо более важное или первостепенное. Нет ничего более

²⁵ Франциск. *Общая аудиенция*, 9 декабря 2015 г.

²⁶ Там же.

²⁷ Франциск. *Misericordiae Vultus. Булла, провозглашающая Внеочередной юбилейный год милосердия*. П. 1.

²⁸ Франциск. *Общая аудиенция*, 9 декабря 2015 г.

важного, чем выбирать “*то, что Богу угодно всего*”, то есть Его милосердие, Его любовь, Его нежность, Его объятие, Его ласку!»²⁹

Предваряя возможное несогласие и словно читая наши мысли, папа Франциск добавляет: «Конечно, кто-то мог бы возразить: “Но отец, разве в этот год Церковь не должна совершить нечто большее? Правильно созерцать Божье милосердие, но ведь есть столько неотложных потребностей!” Верно, нужно немало сделать, о чем я первый не устаю напоминать. Однако следует иметь в виду, что у истоков забвения милосердия всегда лежит *себялюбие*. В миру оно выражается в стремлении удовлетворить исключительно собственные интересы, в поиске собственного удовольствия и почестей вместе с желанием накопить богатство, тогда как в христианской жизни оно часто облекается в лицемерие и обмирщение. Все это противоположно милосердию. Проявления себялюбия, отчуждающего милосердие от мира, столь многочисленны, что часто мы даже не в состоянии увидеть в них недостаток или грех. Вот почему необходимо признать, что мы грешники, – чтобы в нас укрепилась уверенность в божественном милосердии. “Господи, я грешник; Господи, я грешница; приди, яви Твое милосердие”. Как прекрасна эта молитва и как просто повторять ее изо дня в день: “Господи, я грешник; Господи, я грешница; приди, яви Твое милосердие”»³⁰.

3. «Я ждал Тебя днем и ночью»

Каждый из нас может взглянуть на себя в свете учительства папы Франциска, вторящего тому, что говорили Иоанн Павел II и Бенедикт XVI. «Забвение милосердия» начинается там, где преобладают иные интересы. Пророки всегда выбивают нас из привычной колеи. И именно в готовности выйти из нее под их влиянием – наша надежда.

Перечитывая эти тексты, я не мог не думать о том, как в условиях серьезного вызова, сложившихся в преддверии шестидесяти восьмого года, сразу же после оккупации Католического университета в Мила-

²⁹ «Необходимое дело обновления институтов и структур Церкви также является средством, призванным направлять нас к живому и животворящему опыту милосердия Бога, единственному способному соделать Церковь городом, поставленным на верху горы и не могущем укрыться (ср. Мф. 5, 14). Сияет лишь милосердная Церковь! Если бы мы хоть на мгновение забыли, что милосердие есть “*то, что Богу угодно всего*”, всякое наше усилие стало бы тщетным, ведь мы превратились бы в рабов наших институтов и наших структур, и, сколь обновленными они ни были, мы так и остались бы рабами» (Франциск. *Общая аудиенция*, 9 декабря 2015 г.).

³⁰ Там же.

не (в которой приняли участие многие члены «Студенческой молодежи»), отец Джуссани определил суть проблемы: мы не ждали Его «днем и ночью». У нас были другие интересы и более важные дела, нежели «ожидание Его днем и ночью». Говоря о сложившейся ситуации, отец Джуссани утверждал без колебаний: «Нам не хватило понимания ситуации и того, что необходимо делать <...>, поскольку мы не ждали Его днем и ночью». Почему? Что значит: мы Его не ждали? Значит, что мы ждали чего-то другого, значит, что мы ждали чего большего, то есть в центре для нас был не Христос. «Если бы мы ждали Его днем и ночью, то и позиция наших студентов относительно их совместного пребывания в Католическом университете оказалась бы иной; их поведение было столь великодушным, но было ли оно истинным?» В самом деле, для отца Джуссани «истина жеста рождается не от политической прозорливости», а от «ожидания Его днем и ночью, без которого то, что мы говорим, смешивается с речами других и становится инструментом в речах других. Мы можем заниматься своими делами и, не отдавая себе в том отчета, принимать за парадигму всеобщее мнение, предложение всех остальных. Наши слова и действия отличает это вседневное и всеобщее ожидание»³¹.

Вопрос не в том, чтобы быть последовательными или иметь обо всем ясное представление, ведь «ждать Его днем и ночью» можно, даже когда предпринимаемые нами усилия далеки от совершенства, даже когда очевидна наша малость. Важно желание, важно ожидание. В самом деле, мы всегда чего-то ждем, чего-то желаем, в каждый момент утверждаем что-то как некий «предел»: «Ибо в силу того, что человек живет хотя бы пять минут, он утверждает существование того, ради чего, по сути, стоит жить»³². И если мы ожидаем не Христа, если наше желание устремлено не к Нему, то неизбежно должно быть что-то другое. Таким образом, не от Христа, не от живой встречи с Ним, не от общения с Ним, не от установления Его присутствия в мире, а от чего-то другого мы ждем перемен в положении дел, в ситуации – личной или общественной. Проблема не в незрелости наших усилий, а в том, являются ли желание и ожидание Его присутствия истоком всякого нашего действия.

«Возможно, – замечал отец Джуссани все в том же ноябре 1967 года, – мы не говорим об этом открыто, однако желаем чего-то другого, чего-то большего. <...> Обратите внимание, это не начало, нельзя утверждать,

³¹ ARCHIVIO STORICO DELL'ASSOCIAZIONE ECCLESIALE MEMORES DOMINI (ASAEMD). *Documentazione audiovisiva*. Ritiro di Avvento del Gruppo adulto, Milano, 19 novembre 1967. См. также А. Savorana. *Vita di don Giussani*. Milano: BUR, 2014. P. 391.

³² Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия. С. 66.

что это начало, имевшее место лишь однажды, его необходимо вновь обретать каждый день. Оно должно быть *habitus* – привычку ума, оно должно быть менталитетом; “Я ждал Тебя днем и ночью” должно стоять за всем: за правильным и неправильным, за заслугами и ошибками, за днями и ночами. Подумайте, пожалуйста, в связи с этим, о том, что причина всего: возможного отступничества, или недостаточного ожидания, или неспособности желания выработать в нас *habitus*, привычку ума, менталитет – причина всего этого заключается в том, что мы заткнули уши, чтобы не слышать данного нам пророчества. Бог посылает пророков, чтобы вновь призвать нас. Призвание всегда происходит посредством пророчества, посредством голоса пророка – всегда. Понимаете теперь, что в корне проблемы лежит неслушание нашего общения, а ведь именно благодаря ему становится конкретным и в то же время не превращается в банальность желание – то «Приди», о котором мы говорили раньше. Группа есть пророчество, место, в котором тебя призывают. И вот корень, горький, прогневший. Как ни странно, именно по отношению к нашему общению мы можем занимать двусмысленную позицию, потому что понимать ценность группы значит оценивать ее не с сентиментальной точки зрения, значит ценить ее не с точки зрения того, как нам хорошо и приятно нам быть вместе, а в силу того, что она говорит»³³, то есть суждения.

Отец Джуссани только и делал, что неустанно призывал нас к вседневному и всенощному ожиданию. Сколько раз, когда мы снова и снова умаляли самих себя, совершали предательство, он, ничуть не возмущаясь, призывал нас: «Чтобы понять, что такое предательство, ребята, мы должны подумать о нашей рассеянности, ведь это предательство – проводить дни, недели, месяцы... Вспомните о вчерашнем вечере: когда мы подумали о Нем? Когда мы думали о Нем всерьез, всем сердцем, в последний месяц, в последние три месяца, с октября по сей день? Никогда. Мы не думали о Нем, как думали Иоанн и Андрей, смотревшие на Него, пока Он говорил. Если мы и задавались вопросами о Нем, то из любопытства, из желания проанализировать, из потребности в разборе, в поиске, в объяснении, в ясности. Но мы никогда не думали, как человек, по-настоящему влюбленный, думает о том, кого любит (и даже в этих случаях такое бывает крайне редко, поскольку мы всегда прикидываем, что получим взамен), – чисто, абсолютно и совершенно бескорыстно,

³³ ASAEMD. *Documentazione audiovisiva*. Ritiro di Avvento del Gruppo adulto. Milano, 19 novembre 1967.

из чистого желания блага»³⁴. Как же мало мы думаем о Нем как о присутствующем, любимом Присутствии! Достаточно провести параллель с учениками в дни после Пасхи, когда они встречались с Воскресшим: что царило в их мыслях, что господствовало в их взгляде? Они были всецело поглощены Присутствием, избавлявшим их от страха и печали. Один человек написал мне: «Мне на глаза случайно попало простое письмо Эмили Дикинсон ее подруге. Поразительно, как лаконично в нем описана ностальгия по Христу: “*Morning without you is a dwindled Dawn*” – “Утро без тебя – пустой рассвет”). В любом смятении лишь любовь к Нему меняет жизнь, которая без Него теряет вкус, становится *пустым рассветом*»³⁵.

В 1982 году, обращаясь к участникам первых упражнений Братства, вглядываясь в их лица, думая о свежести встречи, что завоевала их сердце и довела до того дня, отец Джуссани говорил: «Кто знает, по-прежнему ли мы приходим в волнение, как это было в самом начале в Вариготти [то есть на заре существования «Студенческой молодежи»]. Вы повзростели, уверенно освоили свою профессию, но вместе с тем, возможно, появилась как бы отдаленность от Христа (в сравнении с волнением, которое вы испытывали много лет назад, особенно в определенных обстоятельствах, имевших место много лет назад). <...> Словно Христос далек от сердца»³⁶.

А что можно сказать о нас? Замечаем ли мы, насколько нуждаемся в том, чтобы нас вновь обняли, простили за наши падения, за рассеянность, за потворство забывчивости, царящей в нашей повседневности, за предательство, за наше убожество? Что господствует в нашей жизни – в наших мыслях и взгляде – в нынешние времена сумятицы и растерянности? Ощущаем ли мы потребность в Его милосердии? Святой Бернард прекрасно сказал об этом: «Истина человека начинается, когда он признает свое убожество»³⁷.

Однако простого признания собственного убожества недостаточно: с него начинается истина о нас, но этого мало. Насколько мало, мы убеждаемся во многих ситуациях. Кто-то должен пробудить в нас потребность в прощении.

Именно к этому призывает нас Год милосердия: мы должны осознать, насколько нуждаемся в том, чтобы Он склонился над нашей рассеянностью,

³⁴ Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* М.: Духовная библиотека, 2007. С. 288.

³⁵ См. «April 1885, (L 981)» // *The Letters of Emily Dickinson* / Edited by Thomas H. Johnson, Associated Editor: Theodora Ward. Cambridge MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1958.

³⁶ L. Giussani. *La familiarità con Cristo // Tracce – Litterae communionis*. N. 2. Febbraio. 2007. P. 2.

³⁷ «*Primus veritatis gradus est, primum seipsum attendere, seu propriam miseriam agnoscere*» (Св. Бернард Клервоский. *De gradibus humilitatis et superbiae*. PL 182, col. 948).

над нашими ранами, и вновь привлек нас к Себе, как учеников, сбитых с толку после Его крестных мук и смерти. Мы словно нуждаемся в том, о чем говорил Достоевский: «Но хотите ли вы наказать его страшно, грозно, самым ужасным наказанием, какое только можно вообразить, но с тем чтобы спасти и возродить его душу навеки? Если так, то подавите его вашим милосердием! Вы увидите, вы услышите, как вздрогнет и ужаснется душа его: “Мне ли снести эту милость, мне ли столько любви, я ли достоин ее”»³⁸. Именно так Бог поступает с нами: Он «подавляет» нас на целый год Своим милосердием, чтобы к концу этого срока мы смогли прийти еще более уверенными в милосердии и потому способными свидетельствовать о Нем.

В нас должна возрастать «уверенность в милосердии». И поэтому нам следует прислушиваться к голосу папы, пророка, поставленного Богом, чтобы направлять Его народ во времена эпохальных потрясений: «Внеочередной Год – еще один дар благодати. Войти в Святые врата – значит открыть глубину милосердия Отца, Который всех принимает и Сам выходит навстречу каждому. Это Он ищет нас! Это Он идет нам навстречу! В Святой год в нас должна *возрастать уверенность в милосердии*. Как же мы несправедливы к Богу и Его благодати, когда утверждаем, что Он судит наши грехи и наказывает за них, и не говорим прежде всего о том, как они прощаются Его милосердием (ср. Августин. *О предопределении святых*. 12, 24). Да, все именно так. Мы должны ставить милосердие превыше суда, ведь в любом случае Суд Божий всегда будет вершиться в свете Его милости. Следовательно, проходя сквозь Святые врата, мы ощущаем себя *причастниками этой тайны любви и нежности*. Оставим всякий страх и опасения, неподобающие тем, кто любим; станем же жить *радостью встречи с преображающей все благодатью*»³⁹.

В нас должна возрастать уверенность в том, что милосердие – единственный подлинный ответ на сегодняшнее положение человека, на насилие, на раны, на тяготы и противоречия, с которыми мы сталкиваемся.

Папа подчеркивает насущную нужду в милосердии, необходимость «ощущать огромную радость от того, что Иисус вновь нашел нас, что Он как Добрый Пастырь отправился на наши поиски, когда мы потерялись»⁴⁰. Святейший Отец поясняет: «Такова цель, которую Церковь ставит перед собой в этот Святой год. Так мы укрепим в нас уверенность в том, что

³⁸ Ф. М. Достоевский. *Собр. соч.* В 15 т. Т. 10. *Братья Карамазовы*. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989–1996. С. 265.

³⁹ Франциск. *Проповедь во время святой мессы по случаю открытия Святых врат Внеочередного юбилея*. 8 декабря 2015 г.

⁴⁰ Франциск. *Проповедь во время первой вечерни Воскресенья Божьего милосердия*. 11 апреля 2015 г.

милосердие действительно может внести вклад в созидание более человеческого мира. В наши времена прощение так редко встречается в сферах человеческой жизни, и потому призыв к милосердию становится все более безотлагательным в любом месте: в обществе, в различных структурах, на работе и в семье»⁴¹.

Только достигнув такой уверенности, позволяющей преодолевать любой страх, любое одиночество, любые сомнения, мы сможем принять огромный вызов, брошенный нам эпохальными переменами, имея в нашем распоряжении единственное эффективное оружие – свидетельство, конечную цель Святого Года: «Именно поэтому я объявил внеочередной *Юбилейный год милосердия* <...> – чтобы сильнее и действеннее становилось свидетельство верующих»⁴². Именно так и Иисус поступил со Своими учениками.

«Наивно ли полагать, будто так можно изменить мир? – папа слово предугадывает наши вопросы! – Да, с человеческой точки зрения это сумасшествие, но “немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков” (1 Кор. 1, 25)»⁴³. Эта уверенность святого Павла позволила папе Франциску сказать епископам Мексики: «Единственная сила, способная завоевать сердца людей, – нежность Бога. Завораживает и притягивает, подчиняет и побеждает, открывает и разрешает узы не сила орудий и не непреклонность закона, а всемогущая слабость божественной любви, которая есть неотразимая сила Его мягкости и необратимое обещание Его милосердия». Однако «если наш взгляд не свидетельствует о том, что мы видели Иисуса, то слова, которые мы помним о Нем, превращаются лишь в пустые риторические фигуры. Возможно, они выражают ностальгию тех, кто не в силах забыть о Господе, но, как бы то ни было, это не более чем сиротское бормотание у могилы. Слова, не способные в конечном итоге помешать миру оставаться покинутым и умаленным до его собственной отчаянной власти»⁴⁴.

Позволим нашим сердцам открыться в эти дни милосердию через слушание и соблюдение молчания, чтобы услышанное изменило нас и чтобы Его присутствие могло господствовать в нас, как господствовало оно в жизни учеников по Воскресении. Мы вместе, чтобы помогать друг другу в этом.

⁴¹ Франциск. *Общая аудиенция*. 9 декабря 2015 г.

⁴² Франциск. *Misericordiae Vultus*. Булла, провозглашающая *Внеочередной юбилейный год милосердия*. П. 3.

⁴³ Франциск. *Общая аудиенция*. 9 декабря 2015 г.

⁴⁴ Франциск. *Речь на встрече с епископами Мексики*. Мехико, 13 февраля 2016 г.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: 1 Ин. 1, 5–2, 2; Пс. 102 (103); Мф. 11, 25–30

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО

Препоручая нас самих, а также дорогих нам людей и нашу любимую страну, Италию, заботе ее покровительницы, нашей покровительницы – святой Екатерины Сиенской, спросим себя, как вышло, что одна молодая девушка способствовала возвращению папы в Рим и стала инструментом для достижения единства Церкви, орудием мира в братоубийственной борьбе, разворачивавшейся тогда, как и сегодня. Джуссани отвечает на этот вопрос словами, которые мы услышали во введении: «Я ждала Тебя днем и ночью», я искала Тебя о Христе. Для нас сейчас, несомненно, благодатный момент, и у каждого есть выбор: быть такими эрудитами с багажом накопленных знаний или просить о том, чтобы вновь стать как дети – в слушании, в молчании и, прежде всего прочего и в независимости от нашего прошлого и настоящего, в воодушевленном принятии приглашения: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим».

Суббота, 30 апреля, утро

На входе и выходе:

Франц Шуберт. Соната для арпеджионе и фортепиано, D 821

Мстислав Ростропович, виолончель; Бенджамин Бриттен, фортепиано

«Spirto Gentil» n. 18, Decca

Отец Пино. Созерцая, как ангел принес весть той юной женщине, созерцая «да» Марии, мы не воскрешаем в памяти факт прошлого, а открываем в настоящем, в этом самом мгновении, возможность учиться, как нам было сказано вчера словами папы Франциска, «выбирать “то, что Богу угодно всего”, то есть Его милосердие, Его любовь, Его нежность, Его объятие, Его ласку!»

Ангел Господень

Утренняя

■ ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Хулиан Каррон

**«Трепет сердца [Бога] есть жалость
к твоему “ничто”»**

«Под налетом самоуверенности <...> современный человек скрывает глубокое осознание своих ран»⁴⁵. И поэтому он – то есть каждый из нас – ожидает милосердия. Вот почему нам так необходимо погрузиться в историю милосердия: лишь оно позволяет нам взглянуть на наши раны и принять самих себя. Вновь обращаться к истории – значит не просто поминать прошлое, а все больше познавать то Присутствие, без которого мы не смогли бы смотреть на нашу жизнь.

⁴⁵ Интервью с Его Святейшеством папой на покое Бенедиктом XVI на тему оправдания верой. Op. cit. P. 129.

1. Милосердие Бога

«Не угодно было Богу совершать спасение Своего народа посредством диалектики»⁴⁶, – утверждает святой Амвросий. Диалектикой не исцелить наши раны, и Богу, сотворившему нас, это хорошо известно. Действительно, у истоков спасения, совершаемого Богом, лежит милость, у самых корней его – порыв взволнованности, любви, сострадания. Бог входит в историю, сжалившись над Своим народом.

«И сказал Господь [Моисею]: Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его и иду избавить его... И вот, уже вопль сынов Израилевых дошел до Меня, и Я вижу угнетение, каким угнетают их Египтяне. Итак пойдя: Я пошлю тебя к фараону; и выведи из Египта народ Мой, сынов Израилевых. Моисей сказал Богу: кто я, чтобы мне идти к фараону и вывести из Египта сынов Израилевых? И сказал [Бог]: Я буду с тобою, и вот тебе знамение, что Я послал тебя: когда ты выведешь народ из Египта, вы совершите служение Богу на этой горе»⁴⁷.

Таков «основополагающий опыт избранного народа», как писал Иоанн Павел II в энциклике *Dives in misericordia*. «Господь, видя жалкое положение Своего народа, уведенного в рабство, слыша его вопли, ощутил его тоску и решил освободить его (Ср. Исх. 3, 7–8). В этом спасении, совершенном Господом, пророк сумел распознать Его любовь и Его сострадание (Ср. Ис. 63, 9). Именно здесь корень уверенности всего народа и каждого его члена в Божественном милосердии, к которому можно взывать во всяком драматичном обстоятельстве»⁴⁸.

Прошу вас с вниманием отнестись к каждой из этих цитат, потому что мы бесконечно уязвимы, и без милосердия у нас не будет ни уверенности, ни твердой опоры под ногами. Наша повседневная жизнь доказывает: после мгновения эйфории все идет прахом. Вот почему для нас крайне важно взглянуть в историю израильского народа, проследить за тем, как она развивалась. Это не просто красивые слова: из библейских рассказов мы узнаем, как народ жил памятью о том, что сформировало его историю.

Народ Израиля живет памятью об освобождении, о спасении, совершенном Богом. Об этом свидетельствует пророк Исаия: «Вспомяну милости Господни и славу Господню за все, что Господь даровал нам,

⁴⁶ Св. Амвросий. *De Fide*, I, 42: «*Sed non in dialectica conplacuit deo saluum facere populum suum*».

⁴⁷ Исх. 3, 7–12.

⁴⁸ Иоанн Павел II. Энциклика *Dives in Misericordia*, 4.

и великую благодать [Его] к дому Израилеву, какую оказал Он ему по милосердию Своему»⁴⁹, – то есть по безмерной Своей благодати.

Почему Бог действует таким образом? Тот же Исаия говорит о Его «благоутробии»⁵⁰. В глубине Своей Бог исполнен трепета в отношении нашей судьбы. Действие Бога не сиюминутная реакция на жалкое положение народа. Его инициатива вписана в историю предпочтения, которая определяется словом «завет». Поэтому Он не мог остаться равнодушным к плачу израильтян. «И Я услышал стенание сынов израилевых о том, что Египтяне держат их в рабстве, и вспомнил завет Мой»⁵¹.

Завет, который Бог установил с Авраамом содержал обещание: «Итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой [который есть отношение между Богом и евреями], то будете Моим уделом [особым предпочтением] из всех народов»⁵².

Какого ответа стоило бы ожидать от того, кому оказано подобное неслыханное предпочтение, кто на опыте убедился в нем? Нужно «жить по мановению Бога»⁵³, – говорит Джуссани. Это прекрасно выражено и в первой из десяти заповедей, которая прежде всего не закрепляет некий долг, а зовет присоединиться. Весь ее смысл в полной мере раскрывается в событии освобождения и спасения, которые Бог явил Своему народу. Крепкою рукою Он вывел его из Египта и сопровождал его поразительными знамениями. И разве мог народ Израиля сделать что-либо более разумное, нежели признать Его? «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим»⁵⁴. Что могло быть разумнее ответа на Его любовь? «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть; и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душею твоею и всеми силами твоими. И да будут слова сии, которые Я заповедаю тебе сегодня, в сердце твоём. И внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая. [Есть ли что-то желаннее?] И навязи их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими, и напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих»⁵⁵.

⁴⁹ Ис. 63, 7.

⁵⁰ Ис. 63, 15.

⁵¹ Исх. 6, 5.

⁵² Исх. 19, 5.

⁵³ Ср. Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. Москва – Милан: «Христианская Россия», 1997. С. 26.

⁵⁴ Исх. 20, 2–3.

⁵⁵ Втор. 6, 4–9.

Память – условие новой жизни, проистекающей из события освобождения. Она не просто воспоминание о прошлом, и мы нуждаемся в том, чтобы погрузиться в нее. В самом деле, освобождение случилось в прошлом, но Тот, Кто явил Себя в прошлом, есть Господь, пребывающий вовек.

Однако почти сразу же народ, возлюбленный несравненно больше всех остальных, показывает свое истинное лицо. И в это лицо необходимо взглянуть. «И сказал Господь Моисею: Я вижу народ сей, и вот, народ он – жестоковыйный»⁵⁶. Именно поэтому «скоро уклонились они от пути, который Я заповедал им: сделали себе литого тельца и поклонились ему, и принесли ему жертвы и сказали: вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской!»⁵⁷ Так они подменили живого Бога деталью. Из этого отрывка становится ясно, как создаются идолы: тельц отождествляется с Богом, люди простираются перед ним и приносят ему жертвы, говоря: «Вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской!»

Трогательно наблюдать, как Бог приходит в замешательство от такого поведения народа: «Какую неправду нашли во Мне отцы ваши, что удалились от Меня и пошли за суетою, и осуетились?»⁵⁸ Бог словно пытается хоть как-то оправдаться перед народом, предавшим завет.

Он мог отречься от Израиля за его предательство, покинуть его, дав волю их ничтожным прихотям. На подобные мысли наталкивает восьмидесятый Псалом: «Я Господь, Бог твой, изведший тебя из земли Египетской; открой уста твои, и я наполню их. Но народ Мой не слушал гласа Моего, и Израиль не покорялся мне; потому Я оставил их упорству сердца их, пусть ходят по своим помыслам»⁵⁹.

Однако, только произнеся эти слова, Бог, вместо того чтобы гневаться, вновь неизбежно начинает спрашивать у Своего народа любви: «О, если бы народ Мой слушал Меня и Израиль ходил Моими путями! Я скоро смирил бы врагов их и обратил бы руку Мою на притеснителей их: ненавидящие Господа раболепствовали бы им, а их благоденствие продолжалось бы навсегда; Я питал бы их тучом пшеницы и насыщал бы их медом из скалы»⁶⁰. Не прошло и минуты! Стоит нам подать знак, и Он возвращается и всецело отдается нам, что бы ни случилось прежде. Поэтому и необходимо перечитать от корки до корки историю Израиля, ведь

⁵⁶ Исх. 32, 9.

⁵⁷ Исх. 32, 8.

⁵⁸ Иер. 2, 5.

⁵⁹ Пс. 80, 11–13.

⁶⁰ Пс. 80, 14–17.

это история каждого из нас. Если мы не пересмотрим ее слово за словом, если не пройдем по тому же пути, любой шаг будет пугать нас и в итоге мы начнем говорить: «Это невозможно!» Как же прав папа Франциск, утверждающий, что нам кажется немислимым искупление наших ошибок, прощающее нас объятием.

Однако без милосердия народ не в состоянии совершать путь и нет места отношению Бога с человеком. Так в истории началась борьба между любовью Бога, не переставшего искать человека, и человеческим нежеланием ее принимать, борьба между предпочтением и сопротивлением, между предпочтением Бога и сопротивлением человека, борьба между человеком и таинственной мерой, открывшейся в истории народа. «Адекватный критерий любого человеческого действия – это Бог... <...> Человек же, напротив, с самого начала пытается извратить собственный образ, образ создания, сотворенного “по подобию” Божию, старается подогнать жизнь под свою мерку, что даже в более или менее изощренных и замысловатых формах есть всего лишь сиюминутная реакция, выражена ли она состоянием души, инстинктом или воззрением. <...> Общепринятая ложь на уровне сознания искушала и тот малочисленный народ, который был избран Богом, но в его случае она проявлялась более драматичным образом – как борьба между *самими собой* и таинственной мерой: человек словно должен идти вперед, всецело положившись на нечто не вписывающееся ни в какую человеческую меру и в этом всецелом доверии обретать радость [какое умиротворение наступает, когда мы так доверяемся!], но обычно [все не так и] его ждут усталость, сопротивление, бунт»⁶¹.

Перед лицом ожесточенного человеческого упорства Бог «вынужден» явить всю глубину Своей любви и Своего милосердия. Он действует ровно так же, как и любой родитель, как мать, которая может размазать упрямого ребенка по стенке или же проявить всю свою материнскую сущность. И хотя народ упорствовал в противостоянии, Бог не в силах был оставить его: «Когда Израиль был юн, Я любил его и из Египта вызвал сына Моего. Звали их, а они уходили прочь от лица их: приносили жертву Ваалам и кадили истуканам. Я Сам приучал Ефрема ходить, носил его на руках Своих, а они не *сознавали*, что Я врачевал их. Узами человеческими влек Я их, узами любви, и был для них как бы поднимающий ярмо с челюстей их, и ласково подкладывал пищу им. <...> Народ Мой закозлел в отпадении от Меня, и хотя призывают его к горнему, он не возвышается единодушно. Как поступлю с тобою, Ефрем? как предам

⁶¹ Ср. Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. Указ. соч. С. 26.

тебя, Израиль? <...> Поступлю ли с тобою, как с Адамою, сделаю ли тебе, что Севоиму? Повернулось во Мне сердце Мое, возгорелась вся жалость Моя!»⁶²

Однако самым драматичным образом борьба между предпочтением Бога и сопротивлением человека описана, пожалуй, в шестнадцатой главе Книги пророка Иезекииля, которая глубоко поразила и папу Франциска, и отца Джуссани.

«И было ко мне слово Господне: сын человеческий! выскажи Иерусалиму мерзости его и скажи: так говорит Господь Бог дочери Иерусалима: твой корень и твоя родина в земле Ханаанской; отец твой Amorрей, и мать твоя Хеттеянка; при рождении твоём, в день, когда ты родилась, пупа твоего не отрезали, и водою ты не была омыта для очищения, и солью не была осолена, и пеленами не повита. Ничей глаз не сжалился над тобою, чтобы из милости к тебе сделать тебе что-нибудь из этого; но ты выброшена была на поле, по презрению к жизни твоей, в день рождения твоего. И проходил Я мимо тебя, и увидел тебя, брошенную на поприще в кровях твоих, и сказал тебе: “в кровях твоих живи!” Так, Я сказал тебе: “в кровях твоих живи!” Умножил тебя как полевые растения; ты выросла и стала большая, и достигла превосходной красоты: поднялись груди, и волоса у тебя выросли; но ты была нага и непокрыта. И проходил Я мимо тебя, и увидел тебя, и вот, это было время твое, время любви; и простер Я воскрилия риз Моих на тебя, и покрыл наготу твою; и поклялся тебе и вступил в союз с тобою, говорит Господь Бог, – и ты стала Моею [вследствие завоевания Иерусалима царем Давидом]. И надел на тебя узорчатое платье, и обул тебя в сафьянные сандалии, и опоясал тебя виссоном, и покрыл тебя шелковым покрывалом. И нарядил тебя в наряды, и положил на руки твои запястья и на шею твою ожерелье. И дал тебе кольцо на твой нос и серьги к ушам твоим и на голову твою прекрасный венец [каждая деталь говорит, как заботится Бог о Своем народе]. Так украшалась ты золотом и серебром, и одежда твоя была виссон и шелк и узорчатые ткани; питалась ты хлебом из лучшей пшеничной муки, медом и елеем, и была чрезвычайно красива, и достигла царственного величия. И пронеслась по народам слава твоя ради красоты твоей, потому что она была вполне совершенна при том великолепном наряде, который Я возложил на тебя, говорит Господь Бог. Но ты понадеялась на красоту твою, и, пользуясь славою твоею, стала блудить и расточала блудодейство твое на всякого мимоходящего, отдаваясь ему [пророк, рассказывая о том, как Иерусалим, предстающий в образе невесты, впал

⁶² Ос. 11, 1–4, 7–8. Курсив наш.

в идолопоклонничество, проводит параллель с проституцией]. И взяла из одежд твоих, и сделала себе разноцветные высоты, и блудодействовала на них, как никогда не случится и не будет. И взяла нарядные твои вещи из Моего золота и из Моего серебра, которые Я дал тебе, и сделала себе мужские изображения, и блудодействовала с ними [дары, данные Богом Иерусалиму, Его невесте, как знак бесконечной любви, тот умалил до идола и стал спрашивать у идола то, что идол дать не в состоянии]. И взяла узорчатые платья твои, и одела их ими, и ставила перед ними елей Мой и фимиам Мой, и хлеб Мой, который Я давал тебе, пшеничную муку, и елей, и мед, которыми Я питал тебя, ты поставляла перед ними в приятное благовоние; и это было, говорит Господь Бог»⁶³.

Посмотрим, что говорит об этом отрывке папа Франциск: «Меня всегда поражало, как рассказывается в Библии, в шестнадцатой главе Книги Иезекииля, история Израиля. <...> Я могу прочитать всю мою жизнь в свете шестнадцатой главы Книги пророка Иезекииля. Читая эти страницы, я говорю себе: кажется, они написаны для меня!»⁶⁴

По мнению же отца Джуссани, в этом столь драматичном тексте «траектория обладания Бога человеком и человеческого ответа на него воссоздана через полные суровости и пламенной любви образы. Бог обращается к Своему народу... <...> [Но из библейского отрывка] становится ясно, что человек решает бунтовать, чтобы упорствовать в своей рефлексивности, в инстинктивном поведении»⁶⁵.

Согласно Иеремии, отвергнув завет с Богом, сыны Израилевы «пошли за суетою, и осуетились». Пророк выразительными средствами указывает на очевидную неразумность народа: «Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды»⁶⁶. Воспользовавшись словами отца Джуссани, мы могли бы сказать: «Налицо утрата здравого смысла и разума»⁶⁷, и всем нам доводилось с ней сталкиваться.

Заметить собственное отречение и его разрушительные последствия для жизни – первый признак открытости перед Богом. «Следовательно, сознавать сопротивление истине о нас как о людях, то есть сознавать грех, – самое важное в жизни с воспитательной точки зрения, ибо это распахивает нас перед истинным Богом. Грешить – значит вести себя так, словно мы хозяева нашей жизни, а признавать грех – значит прибли-

⁶³ *Иез.* 16, 1–19.

⁶⁴ Francesco. *Il nome di Dio è Misericordia. Una conversazione con Andrea Tornielli*. Op. cit. P. 24–26.

⁶⁵ Ср. Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. Указ. соч. С. 27–28.

⁶⁶ *Иер.* 2, 5.13.

⁶⁷ Ср. Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. Указ. соч. С. 30.

жаться к пониманию того, что мера, критерий жизни, господство над ней есть тайна Бога»⁶⁸. Сопоставим слова отца Джуссани с тем, как мы реагируем на собственное зло. Сознать грех, замечать сопротивление истине о нас самих – вот что открывает нас присутствию Бога, и потому с воспитательной точки зрения нет ничего важнее в жизни. И это верно всегда, не только вначале. Действительно, даже встретившись с Присутствием, мы продолжаем ошибаться. И тут возникает альтернатива, о которой говорит Пеги, альтернатива между христианской нищетой и «нищетой, которая уже больше не христианская»⁶⁹. Можно смотреть на наши промахи и изводить себя злостью и досадой – отсюда нет дальнейшего пути, или же сознавать грех, а грех всегда подразумевает отношение с Другим, которому мы были неверны, он отсылает к Присутствию, которое мы уже не в силах вычеркнуть из нашей грешной жизни.

«Бог в истории являет человека в глубинном разладе между тем, что он есть, [по природе] – жаждой бесконечного, и его существованием, протекающим в противоречии, поскольку норма для него – не тайна, а собственная суетность». Но «даже это [просто поразительно, каким взглядом отец Джуссани смотрит на человека!] поучительно и помогает нам понять, кто Бог для нас, разглядеть лик нашего смысла. А Бог для человека – человек призван это понять, вникая в свой смысл и в свою судьбу, – есть сострадание, милосердие»⁷⁰. Если мы снова и снова не возвращаемся к милосердию, побеждает наша злость.

Вот почему отец Джуссани полагает, что мы «не сможем как следует уяснить слово [милосердие], когда оно окончательно воссияет в истории [то есть когда Иисус полностью явит Себя], если не совершим великий переход по пророчествам Израиля»⁷¹. Это не экскурс в историю, подводящий нас к разговору об Иисусе, а действительно великий переход, на который Бог подвиг Свой народ и который необходимо совершить и нам. «Трудно будет понять христианский опыт тому, кто не готов некоторым образом заново пережить историю народа Израиля со всеми ее особенностями и драмами»⁷². Мы не поймем Христа, не проследив за историей Израиля.

История Израиля, как и наша с вами история, соткана из пространства и времени, из обстоятельств, из падений и новых начал, и мы должны взглядеться в нее, прикоснуться к ней. Сосредоточимся на моменте из вре-

⁶⁸ Ср. Там же. С. 31.

⁶⁹ Ср. Ш. Пеги. *Вероника, или Диалог истории и плотской души // Избранное. Проза. Мистерии. Поэзия*. М.: Русский путь, 2006. С. 67.

⁷⁰ Ср. Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. Указ. соч. С. 32.

⁷¹ Там же.

⁷² L. Giussani. *Che cos'è l'uomo perché te ne curi?* Cinisello Balsamo (Mi): San Paolo, 2015. P. 11.

мен пророка Иеремии (ближе к концу VII века до Р. Х.), в который стало очевидно, насколько Израиль был неспособен оставаться верным. Народ не обращался, несмотря на то, что Бог постоянно призывал его к обращению и не переставал прощать его. Даже если ему и случалось раскаяться, почти сразу же следовало новое падение, и он вновь сворачивался с пути, словно ничто на него не действовало: «Не надейся, нет! ибо люблю чужих и буду ходить во след их»⁷³. Вот до какой степени он бунтовал.

Из упрямства Израиль предпочитал завету с Богом союзничество с соседними империями и царствами, что в конце концов положило начало очередной катастрофе. Какова же была реакция Бога? Он как будто опускает руки перед упорством народа, но неизменно уважает его свободу. В результате Израиль постигает бедствие: разрушение Иерусалима Навуходоносором, потеря земли, храма и царя – трех великих даров Ягве. Так народ на опыте познал всю драму отдаленности от Господа.

Это могло бы показаться нам полным провалом. Однако «Бог не терпит поражений», как говорит Бенедикт XVI. «Или, точнее: поначалу Бог всегда терпит поражение, Он оставляет народу его свободу, и она постоянно отвечает нет. Но фантазия Бога, созидательная сила Его любви превосходит человеческое “нет”. С каждым человеческим “нет” открывается новое измерение Его любви, и Он находит новый, более широкий путь, чтобы сказать Свое да человеку, его истории и всему творению»⁷⁴.

И в тот момент Бог не отступился от Своего завета – Он вновь предложил его. «Бог никогда не терпит поражение, – утверждал тогда еще кардинал Ратцингер, – и Его обещания не теряют силы на фоне человеческих неудач. Напротив, они укрепляются, подобно как любовь возрастает в той мере, в какой в ней нуждается любимый человек»⁷⁵. Это ключевой момент, переворачивающий нашу логику. Мы переносим на Бога наши неудачи и наши представления об успехе и провале. «Я же Бог, а не человек», – повторяет Он нам. Он Другой, а не продолжение нас. Бог отличается от нас, Он инаковый. Бог есть Бог. И потому Он всегда совершает новые ходы и не перестает проявлять инициативу по отношению к нам: Его действия не определяются тем, что мы зовем успехом. Бог не меряет нашей мерой действенность Своих инициатив, ведь каждый Его порыв имеет совсем другой источник – Его благоутробие, а не наши неудачи. И вот подтверждение: Он продолжает искать чело-

⁷³ Иер. 2, 25.

⁷⁴ Бенедикт XVI. *Проповедь во время святой мессы со швейцарскими епископами*. Ватикан, 7 ноября 2006 г.

⁷⁵ J. Ratzinger. *Guardare Cristo. Esercizi di Fede, Speranza e Carità*. Milano: Jaca Book, 1989. P. 44.

века, хотя тот говорит Ему нет и неизменно дает несообразный ответ. «Он без устали выходит на переполненные улицы, вплоть до одиннадцатого часа, чтобы предложить людям Свою любовь»⁷⁶, – утверждает папа Франциск.

Когда народ Израиля достигает самого сумрачного отрезка своего пути, когда кажется, будто он потерял все, на первый план в очередной раз выходит гениальность Бога, и Господь заговаривает о новом завете. В период Вавилонского пленения устами Иеремии, Иезекииля и Исаии Бог возвещает евреям нечто совершенно новое. Три великих пророка, возвысив голос, говорят о скором Его приходе. У Исаии написано: «Вы не вспоминаете прежнего и о древнем не помышляете. Вот, Я делаю новое; ныне же оно явится; неужели вы и этого не хотите знать?»⁷⁷

Какая же новизна сможет растопить лед неверности народа столь жестокого, столь строптивого, столь неспособного обратиться раз и навсегда?

Нам важно ответить, ведь мы ощущаем неверность, непоследовательность и жестоковейность, строптивость Израиля как свои собственные, мы замечаем их в себе. Вопрос жжет нас, как открытая рана, и, только относясь к нему серьезно и честно, мы будем в состоянии уловить ответ на него во всей его новизне.

Вслушаемся поэтому в голос пророков, начиная с Иеремии, который, собственно, и говорит о новом завете. Как такое возможно? С тех пор как Бог заключил завет с Моисеем, Он никогда не упоминал о сроке его действия. И хотя, как мы видели, народ предавал этот завет с самого начала, Бог постоянно к нему возвращался.

Тогда что же подразумевает Иеремия под выражением «новый завет»? О чем речь? «Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской». Что же отличает этот «новый завет»? «Вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: “познайте Господа”, ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого, говорит Господь, потому что Я прошу беззакония их и грехов их уже не вспомяну более»⁷⁸.

⁷⁶ Франциск. *Речь во время встречи с епископами Соединенных Штатов Америки*. Кафедральный собор Св. Матфея, Вашингтон, 23 сентября 2015 г.

⁷⁷ Ис. 43, 18–19.

⁷⁸ Иер. 31, 31–34.

Иезекииль говорит о «новом сердце и духе новом», что для еврея было немислимо. Семитская антропология рассматривает сердце как вместилище сознательной жизни, памяти, решений, разума, и, следовательно, выражение «новое сердце» указывало на некое другое существо, на другое творение. Иезекииль подчеркивает: Израиль нуждается в новом сердце, чтобы жить верностью Богу. Но какую же форму примет эта новизна, какой поворот истории принесут «новое сердце и дух новый»?

Вот слова пророка: «И возьму вас из народов, и соберу вас из всех стран, и приведу вас в землю вашу. И окроплю вас чистою водою, и вы очиститесь от всех скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас. И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное. Вложу внутрь вас дух Мой и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих и уставы Мои будете соблюдать и выполнять. И будете жить на земле, которую Я дал отцам вашим, и будете Моим народом, и Я буду вашим Богом»⁷⁹. Следовательно, речь действительно идет о новом творении, о порождении инакового «я».

Наконец, Исаия подтверждает намерение Бога создать новое творение. «Вот, Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце. А вы будете веселиться и радоваться веками о том, что Я творю: ибо вот, Я творю Иерусалим веселием и народ его радостью»⁸⁰.

Почему же так важен этот новый завет, это новое творение, почему так важно получить новое сердце и дух новый? Почему необходимо, как говорит Иеремия, чтобы закон был вписан в сердце человека? Потому что, отвечает Бенедикт XVI, «человек просто не может быть искуплен извне»⁸¹. До тех пор, пока предпочтение Бога не пронизает нас до самого основания, пока оно не станет нашим, мы продолжим выбирать идолов. Но как можно обнаружить подобную новизну? Только событие, способное глубоко затронуть наше «я», тихо, как это делает Бог, дающий нам свободу, дарующий любовь и пробуждающий ее в нас, только событие, увлекающее «я», добивающееся от него признания и присоединения, – только подобное событие проникнет в сердце человека ненасильственно. Бог выступил именно с такой инициативой: Он стал событием в истории, вошел в жизнь людей, принес им в дар Самого Себя, чтобы, уважая их свободу, покорить силой Своей притягательности и искупить изнутри.

⁷⁹ *Иез.* 36, 24–28.

⁸⁰ *Ис.* 65, 17–18.

⁸¹ Бенедикт XVI. Энциклика *Spe Salvi*, 25.

Однако эта новая инициатива Бога, несущая в себе пророческое обещание, оказалась далеко не безболезненной. Более того, знак, данный Богом, произвел в народе беспрецедентное сопротивление – именно из-за его притягательности и новизны подхода.

2. Лик милосердия и возмущение, которое он вызывает

Возвещение Царства Божия занимает центральное место в проповеди Иисуса, важнейшей составляющей которой является «благая весть» о милосердии. Оно не ограничивается словами, а проявляется в действиях, в том, как Иисус входит в отношения с людьми, переступая через любые религиозно-нравственные каноны Своей эпохи. Нам сложно даже представить, в какое замешательство приходили люди, слышавшие его, и потому часто, читая о нем в Евангелии, мы не придаем ему большого значения, а ведь именно из-за этого замешательства Иисус сказал: «Блажен, кто не соблазнится о Мне»⁸².

Что же такого возмутительного делает Иисус? Чтобы разобраться, нужно приглядеться к тем, кто за Ним шел.

Противники Иисуса клеймили Его последователей – или по крайней мере некоторых из них – «мытарями и грешниками». Мы не особо раздумываем над этими словами и до конца не понимаем их подлинного значения. Попробуем остановиться на них: «Мытари [это род занятий] и грешники», «мытари и блудницы» или просто «грешники». Такими выражениями Его противники обозначали тех, кто шел за Ним. И Сам Иисус их использует: «Пришел Сын Человеческий: есть и пьет; и говорите: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам»⁸³. Чтобы до конца понять, чем же так возмущались книжники и фарисеи, а также осознать «революционный» характер действий Иисуса, необходимо прояснить смысл, которым слово «грешники» наделялось в том историческом контексте. Те, кого считали грешниками, не просто нарушали заповеди, но еще и занимались порочной деятельностью. Так, мытари по определению были грешниками. Их презирали за то, что они вносили особый тип подати (касавшийся оборота товаров или их ввоза в город), которая не была официально закреплена и потому не контролировалась со стороны казны. Сбор был вверен зажиточным горожанам, которые прибегали к помощи подручных – мытарей. Те же, пользуясь невежеством народа, обманым путем поднимали налог и так

⁸² Мф. 11, 6.

⁸³ Лк. 7, 34.

обогащались, о чем можно прочесть в Евангелии от Луки⁸⁴. Их считали настолько низкими мошенниками, что презрение распространялось даже на членов их семей.

В религиозной сфере к ним также относились крайне враждебно: фарисеев, становившихся мытарями, изгоняли из общины. Вот почему согласно великому своду еврейских законов и традиции, Талмуду, «трудно покаяние для сборщиков податей и мытарей»⁸⁵. В самом деле, для тех, кто занимался подобной деятельностью, покаяние означало, что человек должен оставить профессию и вернуть все неправедно нажитое плюс пятую часть⁸⁶. Это практически невозможно!

Итак, согласно фарисейским ортодоксальным канонам, люди, следовавшие за Иисусом, не могли войти в Царство Божие из-за безнравственности или религиозной безграмотности (их противники Иисуса, считавшие самих себя «мудрыми и разумными», даже называли их «малыми», «простыми», «невежественными»). Однако Иисус – Иисус! – нарушает такой порядок вещей. Мы ясно видим это из Его ответа тем, кто возмущается, что Он ест с мытарями и грешниками (как уже было сказано, это гораздо серьезнее, нежели просто сесть за стол с первым встречным). Действительно, Иисус говорит: «Я пришел призвать [на пир] не праведников, но грешников»⁸⁷. В другом же месте Он заявляет: «Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие»⁸⁸, тогда как книжников и фарисеев, мудрецов, о которых рассказывается в Евангелии, в него не допустят.

Кроме того, Царство Небесное принадлежит нищим, «труждающимся» и «обремененным»⁸⁹. Так утверждает Сам Иисус, Который с бесконечным состраданием смотрит на этих нуждающихся людей, отягощенных

⁸⁴ Ср. Лк. 3, 12.

⁸⁵ *Бава Кама*, 94b.

⁸⁶ Об этой категории грешников не так давно говорил папа Франциск: «Матфей был мытарем, сборщиком податей в пользу Римской империи, за что все его считали грешником. Однако Иисус зовет его последовать за Ним и стать Его учеником. Матфей отвечает да и приглашает Его вместе с учениками на ужин в свой дом. Тогда между фарисеями и учениками Иисуса начинается разговор, в котором первые упрекают Его в том, что Он разделяет трапезу с мытарями и грешниками. “Ты не можешь входить в дом к таким людям!” – говорили они. Иисус действительно не сторонился их и даже посещал их дома и садился рядом с ними... <...> Иисус говорит грешникам, что не смотрит на их прошлое, на их положение в обществе, на внешние условия, Он открывает перед ними новое будущее» (Франциск. *Общая аудиенция*, 13 апреля 2016 г.).

⁸⁷ Мк. 2, 17.

⁸⁸ Мф. 21, 31.

⁸⁹ Ср. Мф. 11, 28.

вдвойне: они презируемы окружающими и впали в отчаяние оттого, что с нравственной точки зрения их считают недостойными спасения перед лицом Бога.

До конца жизни не забуду, как меня поразили все эти вещи, когда я услышал их в семинарии в Мадриде от моего профессора по экзегетике отца Мариано Эрранса⁹⁰. Для меня тогда обозначилась точка невозврата. Думаю, ничто другое не наложило на мою жизнь столь глубокий отпечаток, как их простота. Я, конечно же, и раньше читал Евангелие, но, когда я слушал профессора, мне наконец стало ясно: то, как я смотрю на самого себя и на других, неразрывно связано с этой новизной. И именно поэтому я хорошо понимаю, почему папа Франциск полагает, что нам необходимо погрузиться во взгляд Иисуса, если мы хотим адекватно смотреть на себя и на других.

Итак, через все Евангелия красной нитью проходит полемика между Иисусом, между взглядом, приносимым Им в жизнь, и фарисеями, по мнению которых спасение, то есть участие в Царстве Божием, зависело от этического совершенства, достигаемого за счет исполнения множества предписаний и потому невозможного для тех, кого они презирали. Противостояние этих двух позиций встречается в Евангелии повсеместно. Разберем несколько примеров.

Начнем с притчи о двух сыновьях, с помощью которой Иисус упрекает «первосвященников и старейшин народа»⁹¹. Он не просто намеревается развлечь их: «Расскажу-ка я вам притчу о двух сыновьях», – словно Ему больше нечем заняться. Нет, Иисус вступает с ними – с первосвященниками, старейшинами народа и фарисеями – в серьезный спор об их поведении. И чтобы дать им понять, в чем проблема, Он рассказывает о двух сыновьях. Первый на просьбу отца поработать в винограднике сказал да, но не пошел, второй же, поначалу отказавшийся, в конце концов идет. Иисус спрашивает Своих собеседников: «Который из двух исполнил волю отца?» Фарисеи простодушно отвечают: «Тот, что в конце концов идет», – и, сами того не сознавая, попадают в ловушку. Иисус же, следуя за их логикой, делает совершенно неожиданный вывод: «Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие»⁹². Смысл столь категоричного суждения хорошо объясняет выдающийся немецкий библиист Иоахим Иеремиас: «Мытари, отнюдь не способные,

⁹⁰ Отец Мариано Эрранс (1928–2008) преподавал библейские языки и экзегетику Нового Завета в мадридской семинарии. Он также был выпускающим редактором серии «*Studia Semitica Novi Testamenti*».

⁹¹ Мф. 21, 23.

⁹² Мф. 21, 31.

по вашему мнению, на покаяние, ближе к Богу, нежели вы, мнящие себя благочестивыми. Действительно, они ответили нет заповеди Божией, но затем одумались и принесли покаяние, и потому они войдут в Царство Божие, а вы нет»⁹³. Каким образом и в какой момент мытари сказали да? Когда они сказали да Иисусу. «И потому они войдут в Царство Божие, а вы нет». Таким образом, причина, по которой люди, считающие себя мудрыми, не будут допущены в него, – их отказ следовать за Иисусом, верить в Иисуса. Этот и есть ключевой момент. Те, кто полагает, будто у них все в порядке, те, кто во всем «соответствует», останутся вовне: «Ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему»⁹⁴. Если вера во Христа – условие для входа в Царство, то не принимать Его – значит лишать себя доступа в него. Вот почему первосвященники и фарисеи в Царство Божие не попадут, тогда как обратившиеся, принявшие Иисуса и поверившие в Него мытари и грешники войдут в него.

О такой позиции Иисуса свидетельствует и эпизод с исцелением слуги сотника⁹⁵. Глубоко пораженный верой сотника – язычника, на которого, согласно канонам, спасение не распространялось, Иисус утверждает: «Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю»⁹⁶. Какой резкий контраст между теми, кто возляжет вокруг трапезы в Царстве, и «сынами царства», которые, напротив, будут изгнаны. Произнося эту фразу, Иисус, безусловно, имел в мыслях сотника. Он, подобно многим пришедшим с востока и запада, будет принят на пиру в вечности не потому, что достиг нравственного совершенства, и не в силу этнической принадлежности, а только благодаря вере в Иисуса. Именно ее Иисус удостоивает похвалы: «Истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры»⁹⁷.

Этот и другие евангельские рассказы позволяют нам увидеть, какую новизну принесло присутствие Иисуса в историю. «Возлягут вокруг трапезы в Царстве» и уже сейчас начнут приобщаться к его благам («Иди, и, как ты веровал, да будет тебе», – сказал Иисус сотнику. «И выздоровел слуга его в тот час»⁹⁸, – замечает евангелист Матфей) лишь те, кто признаёт Его, кто верит в Него. Перед нами не ставится никаких других условий.

⁹³ J. Jeremias. *Le parabole di Gesù*. Brescia: Paideia, 1973. P. 154.

⁹⁴ Мф. 21, 32.

⁹⁵ Ср. Мф. 8, 5–13.

⁹⁶ Мф. 8, 11–12.

⁹⁷ Мф. 8, 10.

⁹⁸ Мф. 8, 13.

Именно количество условий, выдвинутых милосердию Бога со стороны книжников и фарисеев – «знатоков и интеллигентов» тех времен, породило полемику о том, как возвещалось Царство Божие, то есть о том, как действовал Иисус, как являло себя милосердие. Возмущение оказалось слишком велико и в итоге привело к смерти Иисуса, к осуждению Его на крест. Связано это было с тем, что Он воспринимал Себя как Бога, считал Себя Богом и действовал соответствующе.

В конфликте с книжниками и фарисеями Иисусу пришлось защищать Свои поступки перед всеми. Притчи, которые мы находим в пятнадцатой главе Евангелия от Луки, – Его ответ на многочисленные обвинения. Нам часто кажется, что они лишены историчности, однако это совершенно неверно. Притчи всегда вплетены в конкретный исторический контекст, отмеченный противостоянием фарисеев. Обратимся к самой прекрасной из них: мы неоднократно о ней говорили, но, думаю, в свете этих упражнений, мы могли бы еще глубже понять ее.

3. Блудный сын

Согласно Луке, Иисус, отвечая на ропот книжников и фарисеев, говоривших: «Он принимает грешников и ест с ними»⁹⁹, – рассказывает им притчи о заблудшей овце, потерянной монете и блудном сыне. В последней Он объясняет, что ведет Себя с грешниками так же, как и отец. Младший сын олицетворяет мытарей, а старший – фарисеев.

Таким образом Иисус желает заступиться за благую весть о милосердии. Чтобы понять язык притчи, необходимо иметь в виду, что, помимо иудеев, не чтивших заповеди Божии, и «грешников» из язычников, была и третья группа людей, которые, по представлениям иудеев, с еще меньшей вероятностью могли рассчитывать на прощение. Речь о евреях, чей образ жизни превратил их в язычников. Источники называют в их числе тех, кто занимался деятельностью, вызывавшей сильные подозрения в воровстве. К ним, в частности, относились пастухи. В одном из трактатов *Мишны* – *Санхедрине* – приводится список людей, которые не могли входить в состав суда или выступать свидетелями. Среди них «игроки в кости, ростовщики, азартные голубятники, торговцы плодами урожая субботнего года – известно, что на субботний год такая торговля запрещена, ибо урожай в субботний год по закону не принадлежит владельцу [См. *Лев.* 25, 1 и далее]»¹⁰⁰. Дальше по тексту к ним добавляются «пасту-

⁹⁹ Лк. 15, 1.

¹⁰⁰ *Мишна. Санхедрин*, 3, 3.

хи, сборщики податей и арендаторы»¹⁰¹. В другом трактате эти категории иудеев приравнены к рабам-нееврейам¹⁰². По утверждению одного из разделов *Мишны*, мытарь или язычник, входящий в дом, делает нечистым все, что в нем находится¹⁰³. Для таких людей покаяние было крайне сложным, если вообще возможным.

Иисус идет вразрез с ортодоксальным иудаизмом и перед лицом фарисеев заявляет, что мытари и язычники не оставлены Богом. Более того, «их есть Царство Божие», и Он пришел чтобы именно их призвать на царский пир. Принимая их за трапезой, Христос ясно дает понять, что они обрели дар Божьего прощения. Посмотрим, как эта позиция описана в притче о блудном сыне.

В первой половине рассказа внимание сосредоточено на отце и его младшем сыне (который станет блудным). Во второй – на отце и сыне старшем. Как и во всех двусоставных притчах, «мораль» содержится в конце – в той части, где отец защищает свои действия в отношении сына, сбежавшего из дома, перед его братом. Даже у иудеев была идея Бога как отца, готового простить, и потому, чтобы уловить всю новизну притчи, мы должны обратиться к детали, которая может показаться банальной, хотя в действительности она очень показательна. Блудный сын, доведший себя до плачевного состояния, вынужден зарабатывать на жизнь, пася свиней. Как мы видели, пастушество считалось порочным занятием. Однако в нашем случае положение усугублялось тем, что юноша пас именно свиней. Иудеи считали свиней самыми нечистыми из всех животных. Попробуем представить реакцию тех, кто слушал историю о сыне, пасшем свиней. Они тут же поняли смысл Его слов: тот молодой еврей сделался язычником. В свете подобного отступничества сын сделался словно мертвым в глазах отца. Любопытно, осознававший, чем стал его сын для народа, как низко он пал, навсегда закрыл бы перед ним дверь.

Однако Иисус не оправдывает ожиданий своих собеседников – книжников и фарисеев – и с настойчивостью твердит об отце, который совершенно непривычным для них образом ведет себя с сыном, превратившимся в язычника, то есть, согласно бытовавшей в те времена логике, навеки потерянным и все же вернувшимся домой. Он не отрицает, что сын согрешил, и даже выбирает более тяжелые слова («Был мертв, пропал»¹⁰⁴), но, несмотря на это, необъяснимо прощает его и являет свое

¹⁰¹ *Санхедрин*, 25б.

¹⁰² Ср. *Мишна. Рош Ха-Шана*, 1, 8.

¹⁰³ Ср. *Мишна. Техорот*, 7, 6.

¹⁰⁴ *Лк.* 15, 24.

прощение по меньшей мере эксцентрично (без сомнения, Иисус намеренно описывает момент прощения столь странным образом): отец увидел сына, когда тот еще был далеко, и выбежал ему навстречу – весьма нехарактерное поведение для пожилого человека с Востока. Еще более странными кажутся приказы, которые он почти лихорадочно раздает слугам: одних просит принести новую одежду, других – перстень и обувь, кому-то поручает заколоть откормленного тельца, а остальным – устроить пир и пение. Все это никоим образом не подобало суровому отцу подлинно еврейской веры, которому собственный сын принес столь глубокое бесчестие. Его действия расходились с мыслями ревностных защитников Бога, слушавших Иисусову притчу. Вот почему второй части рассказа говорится о резких возражениях фарисеев, которых олицетворяет старший сын. Он недоволен не возвращением брата, а тем, что отец устроил праздник, чтобы отметить это событие, недвусмысленно подчеркнув тем самым полноту прощения. Старший сын возмущается и отказывается участвовать в веселье. И поступает он так во имя справедливости: «Вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое в блудницах, пришел, ты заколол для него откормленного тельца»¹⁰⁵. Но и в этом случае реакция отца непредсказуема: он соглашается с тем, что в словах старшего сына есть доля правды (без минимальной справедливости, как мы знаем, были бы невозможны отношения между людьми, в том числе и в семье). Однако отец отстаивает разумность своего поведения и в качестве аргумента приводит условия, в которых находился младший сын. В самом деле, вне великодушной любви отца блудный сын, который был мертв, не воскрес бы, пропал бы навсегда.

В этой и других притчах о прощении Иисус говорит нам о Боге как о милосердии для грешного человека – для тебя и для меня. Его прощение столь безгранично и безусловно, что тем, кто считает себя хранителями Божиих прав, оно может даже показаться несправедливым. В действительности же прощающий в некотором смысле отказывается от своего права, поскольку прощение есть целиком и полностью благодать, чистая благодать.

И перед лицом этой чистой благодати существуют лишь два пути: бесконечная благодарность или же возмущение. Так было тогда, так остается и сейчас – ничего не изменилось.

Христос не ставит никаких предварительных условий для Своего прощения. И все же, как напоминает нам папа в энциклике *Amoris laetitia*,

¹⁰⁵ Лк. 15, 29–30.

«порой нам дорогого стоит место, отведенное... безусловной любви Бога. Мы ставим столько условий для милосердия, что опустошаем его конкретное содержание и реальный смысл. Это наихудший способ размывать Евангелие. Например, милосердие не исключает справедливости и истины, но, в первую очередь, мы должны говорить, что милосердие – полнота справедливости и самое лучезарное проявление истины Божией. Поэтому всегда следует считать “несостоятельной любую богословскую концепцию, которая, в конечном счете, подвергает сомнению само всемогущество Бога и, особенно, Его милосердие”»¹⁰⁶.

Сознавая, что благая весть о прощении, которую Он принес человечеству, обозначила в истории коренной перелом, Иисус называет блаженными тех, «кто не соблазнится» о Нем.

В свете этих наблюдений мы можем перечитать слова отца Джуссани о милосердии, хорошо знакомые многим из нас: «На знаменитой картине Рембрандта блудный сын предстает зеркалом Отца. Лицо Отца исполнено боли от сыновней ошибки, от его отречения, оно исполнено боли, которая полностью перетекает в прощение. И на это человеку еще хватает понимания. Но самое необычайное и таинственное – то, что лицо Отца есть зеркало блудного сына. На картине Рембрандта Отец предстает зеркалом сына: в Нем отражается сыновняя боль, а потому и спасенное отчаяние, предотвращенный крах, счастье, готовое вспыхнуть снова; он изображен в то мгновение, когда счастье вот-вот вспыхнет, когда восторжествует добро. Добро торжествует в блудном сыне, потому что он оплакивает совершенные ошибки. Добро торжествует в отце: таково милосердие, которое человек не в состоянии ни понять, ни высказать. Лицо Отца есть зеркало сына. Лицо Отца есть милосердие, ведь оно исполнено сострадания к тому, кто ошибся, и обращено к тому, кто вернулся. Но если милосердие столь тесно связано с Тайной, значит, оно открывается людям через Сына, Слово Божие и зеркало Отца. Действительно, именно Отчее Слово приняло на Себя человеческую природу, чтобы в полной мере явить человеку, что же такое для него Тайна. И потому у Милосердия в истории есть имя – Иисус Христос»¹⁰⁷.

Отец Джуссани, понимая, что милосердие – это тайна, утверждал: «Слово “милосердие” стоило бы вычеркнуть из словарей, поскольку его не существует в мире людей, оно не в нем находит себе никакого соответствия. Милосердие лежит у истоков прощения, это прощение, утверж-

¹⁰⁶ Франциск. Постинодальное апостольское обращение *Amoris laetitia*, 311.

¹⁰⁷ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Milano: Rizzoli, 1998. P. 183.

даемое в его бесконечной первопричине, это прощение как тайна». Он настаивает: «Милосердие не человеческое слово. Оно тождественно Тайне – Тайне, от которой все происходит, Тайне, на которую все опирается, Тайне, которой все завершится и которая уже сообщает себя человеческому опыту. Рассказ о блудном сыне описывает милосердие, окутывающее и пронизывающее жизнь того юноши. Разуму в какой-то мере удастся постичь идею прощения как некоего соотношения между ошибками и наказанием, однако все не так с милосердием – прощением, не знающим границ. В притче прощение возникает от чего-то совершенно не поддающегося человеческому пониманию, от Тайны, то есть от милосердия. Не поддающееся пониманию обеспечивает исключительность того, что понять можно. Жизнь Бога – любовь, *caritas*, полная безвозмездность, любовь без расчета, “без причин” с человеческой точки зрения. По-человечески она кажется почти несправедливой или иррациональной, поскольку причин мы как раз и не видим. Милосердие – характерное свойство Бытия, бесконечной Тайны»¹⁰⁸.

Мы прекрасно осознаем, насколько безгранична наша потребность в спасении, и потому именно отсюда берет свое начало надежда для каждого из нас: «Опыт милосердия – наивысшая возможность для Христа и Церкви донести до человека Его Слово, а не один только его отзвук в человеке. Как ведет Себя с нами бесконечная Тайна? Она понимает и прощает все! <...> Но эта Его доброта ко всем смущает нашу мысль; лучше бы Он вновь соделал нас детьми и позволил бы нам в пятьдесят лет понять, как прекрасно быть детьми, быть как дети перед лицом отца или матери»¹⁰⁹.

4. «Любовью вечною Я возлюбил тебя, сжалившись над твоим ничтожеством»

Попробуем посмотреть на тайну милосердия глазами отца Джуссани, который никогда не переставал изумляться ей и потому задавался вопросом: «Почему Бог посвящает мне Самого Себя? Почему Он дарует мне Себя, творя меня, давая мне бытие, то есть Самого Себя (Он дает мне Самого Себя, то есть бытие)? Почему Он кроме всего прочего становится человеком и дарует мне Себя, чтобы вновь сделать меня невинным... и умирает ради меня (в этом ведь не было никакой необходимости: стоило Ему только щелкнуть пальцами, и Отец непременно вмешался бы)?

¹⁰⁸ *Ibidem*. P. 184–185.

¹⁰⁹ *Ibidem*. P. 185–186.

Почему Он умирает ради меня? Зачем нужен этот дар Себя, превосходящий все мыслимое и немислимое?»¹¹⁰

Чтобы помочь нам дойти до сути ответа на поставленные вопросы, Джуссани предлагает нам перечитывать и, более того, «выучить наизусть фразу Иеремии из тридцать первой главы, стихи с третьего и далее», которую мы выбрали в качестве темы наших упражнений. «Бог говорит голосом пророка, исполнившемся во Христе (подумайте о людях, бывших тогда рядом с тем человеком, с тем молодым человеком, приведшим в исполнение эти слова): “Любовью вечною Я возлюбил тебя и потому привлек тебя к Себе [приобщил тебя к Моей природе], сжалившись над твоим ничтожеством”, – я всегда переводил этот стих таким образом. Что значит “сжалившись над твоим ничтожеством”? О чем здесь говорится? О чувстве, именно о чувстве! О том, какой ценностью является чувство. Привязанность – это чувство, быть “привязанным к кому-то” – это чувство, но одновременно и ценность. Ценность в той мере, в какой привязанность обоснована; привязанность, у которой нет никаких оснований, ценностью не является, потому что в таком случае недостает половины «я», «я» усекается на уровне пояса, и остается лишь то, что находится ниже»¹¹¹.

Поэтому «любовь Бога к человеку – это взволнованность, трепетный дар Себя Самого, дар подвижный, проявляющийся как эмоция, как взволнованность: Он взволнован. Бог приходит в волнение! “Что есть человек, что Ты помнишь его?” – говорится в псалме»¹¹².

Отец Джуссани продолжает: «Вот она суть: Бог был взволнован нашим ничтожеством. И не только: Бог был взволнован нашим предательством, нашей неотесанной бедностью, забывчивой и изменчивой, нашей мелочностью. Бог был взволнован нашей мелочностью, что еще больше, чем быть взволнованным нашим ничтожеством. “Я сжалился над твоим ничтожеством, Я сжалился над твоей ненавистью ко Мне. Меня взволновала твоя ненависть ко Мне”. Так отец и мать плачут, взволнованные ненавистью сына. Они плачут не потому, что задеты, а от взволнованности, то есть их слезы вызваны исключительно желанием блага для сына, для его судьбы, желанием, чтобы сын изменился ради собственной судьбы, чтобы спастся. Это сострадание, жалость, пламенная любовь. Он сжалился надо мной, когда я был таким забывчивым и мелочным. Когда жизнь идет своим чередом, нам сложно в свете того, что мы полу-

¹¹⁰ Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* Указ. соч. С. 288–289.

¹¹¹ Ср. Там же. С. 289.

¹¹² Ср. Там же. С. 290–291.

чили, отыскать в течение дня особо тяжкие грехи, однако настоящий грех – это мелочность рассеянности и забывчивости; грех – это мелочная позиция, не обращающая в новизну, не заставляющая заблистать светом новой зари наши дела: наши действия остаются тусклыми, такими, как они получаются; мы никого ими не раним, но и не даруем их сиянию Бытия»¹¹³.

Так вот, значит, в чем источник нашей уверенности: «Он сжалился надо мной и над моим ничтожеством и избрал меня, Он избрал меня, потому что сжалился надо мной, Он избрал меня, потому что был взволновал моей мелочностью! Тайна – высшая Тайна и Тайна того человека, Христа, Бога, ставшего человеком, – отдается нам, и эта самоотдача, с которой Тайна творит мир и прощает мелочность человека, прощает, обнимая его (она обнимает его, мелочного и отвратительного), – эта самоотдача есть эмоция, как бы эмоция, взволнованность, эмоция, содержащая в себе взволнованность. Именно такое наблюдение подчеркивает материнство Бога. <...> Согласно всем прочим представлениям, единство Бога с миром и с человеком достигается черство и механически. Как в случае доктора Швейцера: ты должен посвятить себя, “должен” – как поборники третьего мира после Собора и Второй мировой войны – пойти и принести себя в жертву ради человечества. Но если ты должен пойти, это не взволнованность»¹¹⁴.

Чтобы избежать двусмысленности, необходимо обратить внимание на один момент: «Эта взволнованность и эта эмоция распространяют, несут в себе суждение и трепет сердца. *Суждение*, а потому и ценность – назовем ее рациональной. Рациональной не потому, что ее можно свести, умалить до горизонта чистой способности нашего разума. Она рациональна, поскольку имеет разумную причину, несет в себе свою собственную причину. Именно благодаря ей эта ценность и становится *трепетом сердца*. Эмоция, или взволнованность, не будет любовью, если не заключает в себе такое суждение и такой трепет сердца. И какова же их причина? “Любовью вечной Я возлюбил тебя и потому сделал тебя частью Меня, сжалившись над твоим ничтожеством”. Трепет сердца есть жалость к твоему ничтожению, но его причина – твое участие в бытии. Перед лицом пустоты, как перед животным, можно использовать термин “сочувствие”, а перед человеком – повторим сказанное мной вначале и подведем ему итог – нельзя говорить ни о чем, кроме взволнованности, поскольку человек призван к счастью, человек велик и призван к счастью,

¹¹³ Ср. Там же. С. 292.

¹¹⁴ Ср. Там же. С. 293.

человек велик, как Бог, и призван к Божьему счастью. Но то, что он раздавлен собственной мелочностью, побежден рассеянностью, опустошен и вновь обратился в ничто из-за своей безмерной лени, вызывает именно сочувствие»¹¹⁵.

Скажите, неужели мы в чем-либо нуждаемся больше, чем в таком взгляде на нас? С его помощью Бог желает пробудить наше «да». Вот почему Симона Вейль говорила: «Бог терпеливо ждет, когда я наконец соблаговолю согласиться любить Его. Бог ждет, как просящий милостыню, который неподвижно и безмолвно стоит перед тем, кто, возможно, подаст ему кусок хлеба. Время есть это ожидание. Время есть ожидание Бога, испрашивающего нашу любовь»¹¹⁶. И на Его просьбу мы можем ответить словами, которые пели в начале: «Я знаю, кто ты для меня; будь что будет, я жду тебя»¹¹⁷.

¹¹⁵ Ср. Там же. С. 293–294.

¹¹⁶ S. Weil. *Quaderni. Volume IV*. Milano: Adelphi, 1993. P. 177.

¹¹⁷ *Haja o que houver*. Слова и музыка П. А. Магальяйнш: «Haja o que houver eu estou aqui, /haja o que houver espero por ti; / volta no vento, ó meu amor, / volta depressa, por favor. // Há quanto tempo já esqueci / porque fiquei longe de ti; / cada momento é pior, / volta no vento por favor. // Eu sei quem és para mim / haja o que houver espero por ti» («Будь что будет, я здесь; будь что будет, я жду тебя; возвращайся с ветром, любовь моя, возвращайся скорее, прошу тебя. Уже давно я не могу вспомнить, почему решил оставить тебя; с каждым новым мгновением мне все хуже, возвращайся с ветром, прошу тебя. Я знаю, кто ты для меня; будь что будет, я жду тебя»).

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: Деян. 16, 1–10; Пс. 100 (99); Ин. 15, 18–21

ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА
КАРДИНАЛА ГУАЛТЬЕРО БАССЕТТИ,
АРХИЕПИСКОПА МИТРОПОЛИТА ПЕРУДЖИ-ЧИТТА-ДЕЛЛА-ПЬЕВЕ

ПРИВЕТСТВИЕ В НАЧАЛЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ

Дорогие братья и сестры,

услышь я размышление нашего брата и отца Каррона раньше, вероятно, я изменил бы сегодняшнюю проповедь, но, уверен, вы сможете выслушать то, что Дух внушил и мне. Я внимательно следил за содержанием лекции, и меня тронуло за душу описание милосердия Бога, принимающего нас такими, какие мы есть. Итак, сегодня утром предстанем перед Господом и с радостью – потому что милосердие есть опыт глубокой радости – откроем Ему свое сердце.

ПРОПОВЕДЬ

Дорогой Хулиан Каррон, отец Амброджо, священники и все вы, братья и сестры, всех вас сердечно и горячо приветствую. Я с радостью служу эту Евхаристию на духовных упражнениях, проходящих здесь, в Римини. Это по-настоящему благодатное время для вашего Братства, время, посвященное Богу, а также вам самим, время, в которое вы сверяетесь, как я мог слышать сегодня утром, с Его словом, всегда внушающим святые намерения. Я желаю, чтобы ваши сердца все больше проникались осознанием любви Божией к каждому человеку, бесконечной любви, не знающей ни пространственных, ни временных пределов, о чем напомним нам слова псалма: «Благ Господь: милость Его вовек, и истина Его в род и род». Эти слова должны стать живыми в нашей жизни.

Друзья, два слова в сегодняшних чтениях очень хорошо выражают смысл этого богослужения: «свидетельство» и «гонения». Оба одинаково важны, поскольку непрерывно подпитывают друг друга, и нельзя точно сказать, какое из двух главнее. Они отсылают нас к конкретным фактам, с которыми каждый христианин рано или поздно призван соотносить себя в свете веры, – я говорю вам это в мои семьдесят четыре года, опираясь на собственный опыт.

Таким конкретным фактом является свидетельство святого Павла, о котором нам рассказывают *Деяния апостолов*. Несмотря на трудности и преследования, он с любовью и пылом продолжает проповедовать

Благодарю Весть в Дервии, в Листре, а потом в Мисии и Троаде. Наконец, в чудесном сне Павел слышит призыв идти в Македонию, и так из Азии он отправится в Европу. Другой конкретный факт – гонения, которые Иисус предрекает ученикам: мир прежде возненавидел Его и продолжит ненавидеть всех тех, кто будет говорить во имя Его. Сегодня конкретный факт – Святой год милосердия, и папа призывает нас пережить его по-настоящему, чтобы стало «более прочным и действенным свидетельством верующих», то есть наше свидетельство.

Меня поразило, как тонко отец Каррон подметил кульминационный момент, в который проявилось милосердие Бога: призвание Моисея. Возможно, Моисей переживал экзистенциальный кризис, с каким часто сталкиваемся и мы в нашей жизни. Но Бог есть, Бог видит, Бог слышит, Бог рядом, Бог понимает драму израильского народа. И вот милосердие Божие, конкретность которого была недавно так замечательно подчеркнута, вот ответ Бога: «Я услышал вопль Своего народа, Я увидел его мучения, и Я решил рукою сильною и могучею освободить Свой народ из рабства. И ты будешь орудием этого освобождения» (ср. *Исх.* 3, 7–12). Милосердие Бога всегда проявляется как призыв, как своевременное и конкретное призвание.

Вернемся к теме гонений, ведь Слово Божие актуально: то, что сказал Иисус («Будут гнать вас), сегодня утром Он говорит и нам. Нас достигают вести из разных частей света, где многие наши братья по вере подвергаются преследованиям и унижениям, их лишают их домов, сажают в тюрьмы и даже убивают лишь за то, что они молчаливо свидетельствуют о своей любви ко Христу. Во время Синода, посвященного семье, и вчера я имел возможность встретиться с двумя сирийскими архипастырями – мелькитским патриархом Григорием III и халдейским епископом Алеппо. На лицах этих двух моих собратьев в епископском служении я прочел всю драму их народов и христиан. Я думаю также о верующих ниневийской равнины – полностью разгромленной Халдейской Церкви, которая является одной из самых древних в мире и уходит корнями к Аврааму. Я думаю и о наших братьях в Нигерии, убитых террористами-смертниками во время богослужений в храмах. И о братьях и сестрах в Пакистане. Как видите, слова Иисуса исполняются в настоящий момент.

Но это происходит не случайно, и потому не стоит удивляться и, самое главное, не нужно никогда терять надежду, поскольку все уже было предсказано Иисусом. Мир ненавидел Его, но Он «победил мир» и этой победой спас его. Сегодня к нам обращен призыв войти в это измерение и последовать по пути, указанному Назарянином. Мы, будучи не от мира, живем в мире, как учит нас Иоанн.

Дорогие братья и сестры, Иисус говорит нам еще одну важную вещь. Я вижу среди вас много молодых людей, и мое сердце радуется. Мы слышим от Него, что это Он избрал нас! Вас не собралось бы здесь двадцать две тысячи, если бы тем или иным образом вы не ответили на призыв. Он избрал вас. Не мы своей мудростью или умом выбрали Его. Он пришел в мир и призвал нас к Себе, чтобы мы были солью земли и закваской для нынешнего поколения.

«В мире, в котором все – *все* – противоречило и противоречит» христианству, отец Джуссани утверждал, что важно «показать неотъемлемый от потребностей жизни характер веры», свидетельствовать о соответствии веры «основополагающим и исконным потребностям сердца каждого человека» (Ср. *Рискованное дело воспитания*). Здесь, по сути, он цитировал Пеги.

Насколько верны слова отца Джуссани! И сегодня призыв возвещать Христа как «присутствующий факт», как событие, непрестанно повторяющееся в истории человечества, а не только как что-то из области прошлого, является для нас опытом, неотделимым от нашей принадлежности к христианству. Возвещение Христа происходит *сегодня*, в любой момент истории, в любой культурной среде и на любой географической широте. Оно проистекает из неисчерпаемого источника веры, которая выходит за пределы наших представлений о времени и пространстве. «То, что я вам скажу, – говорил отец Джуссани, – это опыт, являющийся результатом долгого прошлого длиной в две тысячи лет» (Ср. *Рискованное дело воспитания*). «Две тысячи лет» включают и сегодняшний день, и все эти вещи верны сегодня и непременно останутся верны в будущем.

Слова, которыми Иисус предостерегает учеников, не нужно читать как унылое предвестие несчастий, их следует принимать как великое учительство, посредством которого каждый верующий может вполне осознать, что в действительности значит быть учениками Господа. В любую эпоху и в любом месте христианина ждет не одобрение толпы и не рукоплескания мира, а скорее прямо противоположное. «Если Меня гнали, будут гнать и вас», – сказал нам Иисус. Однако мы не станем падать духом из-за Его слов, ведь Господь дает нам Свою благодать даже в самые смутные моменты, а преследования никогда не бесплодны, потому что в них неизменно проявляется могущество Святого Духа, дарующего нам силы для свидетельства. Сын Божий готовит этих бедных галилеян к великой миссии. И если правда, что всех учеников Христа «мир» будет ненавидеть, правда также, что только через преследования сможет проявиться могущество Святого Духа, Который будет направлять их свидетельство. Поразительно, как в *Деяниях*, в самом начале проповеди, Лука подчерки-

вает: «*Ibant gaudentes apostoli*» – апостолы пошли из синедриона, радуясь. Но чему они радовались, если их били, подвергали бичеванию, бросали в тюрьму? Чему они радовались? Тому, что могли пострадать за имя Иисуса. Пусть это и для нас станет причиной радости, если нам придется пострадать. Мы радуемся, поскольку страдаем ради Иисуса.

Иисус не только предсказывает ненависть мира, но и указывает на ее глубинные причины. Повод очень прост: ученики принадлежат не миру, а Христу. Значит, ненависть мира не должна смущать нас: напротив, она является очевидным знаком принадлежности Христу. Преследования – несомненно указывают на то, что верующие – свет в Господе. И до тех пор, пока будут преследовать мужчин и женщин, мир будет видеть свет Господень. Мы принадлежим Христу, а Христос искупил этот мир Своей жертвой и Своей вечной любовью ко всем людям. Преследования – составная часть истории спасения, крестный путь, который воплощается в повседневности каждого человека. Если принять этот путь с любовью, он станет источником спасения для всех.

Юбилей Милосердия, провозглашенный папой Франциском, напоминает нам в том числе и об этом, и потому, по словам Святейшего Отца, он представляет собой уникальную возможность излечить «раны многих братьев и сестер, лишенных достоинства», и «посмотреть на бедствия мира». Действительно, современный человек, кажется, попал в какое-то душевное болото, из которого никак не может подняться, выбраться самостоятельно. Террористические акты и драма беженцев – это две стороны одной медали, проявления болота ненависти и безразличия, затянувшего современного человека.

И именно на этом щекотливом витке истории в игру вступает спасительное действие милосердия. И правда, милосердие Божие не слащавое слово для «кабинетных» христиан и не термин, воскрешающий в памяти старинные практики благочестия. Милосердие – мужественное свидетельство о присутствии Бога в жизни людей. Свидетельство, проявляющееся как готовность принимать других и прощать, однозначно показывающее нам, каков путь христианской любви. Наконец, милосердие есть поток благодати, исходящей от Бога и достигающей человека. Это исключительный, но актуальный для современного человека факт.

Дорогие братья и сестры, в 1998 году на площади Святого Петра отец Джуссани сказал (и я это помню, словно все случилось только что): «Подлинным главным героем истории является просящий». Запомните эти слова! «Кто этот просящий? – спросил отец Джуссани и ответил: Христос, просящий сердца человека, и сердце человека, просящее Христа». Желаю всем вам жить полной жизнью, «высший идеал выражения» которой,

говоря словами основателя вашего Братства, есть *мольба*. Молить о Христе – вот высший идеал, вот самая большая провокация для нашего мира, позволю себе сказать, неглубокого и страдающего гедонизмом. И именно потому, что мир так неглубок и так страдает гедонизмом, мы, как сказал нам отец Джуссани, хотим по-настоящему молить о Христе. Откройте ваши сердца, откройте ваши уши, снимите с глаз мирские очки, ведь только так можно заметить лик Христа – то единственное лицо, которое, согласно папе Франциску, придает смысл преследованиям и дарует нам силы, чтобы мы были подлинными свидетелями милосердной любви Бога к человечеству.

Слава Иисусу Христу.

ПЕРЕД БЛАГОСЛОВЕНИЕМ

Хулиан Каррон. Дорогой кардинал Бассетти, благодарю вас от имени всех моих друзей, от всех нас, что вы согласились председательствовать на праздновании Евхаристии во время наших духовных упражнений именно в этот Юбилейный год милосердия. Спасибо за то, с каким вниманием вы всегда интересовались нашей историей, начиная с того времени, когда Вы были ректором семинарии во Флоренции, где много друзей имели удовольствие радоваться дружбе с вами и вашей компании, и за то, что вы по сей день, находясь рядом с папой Франциском, интересуетесь нами. Благодарю вас, потому что ваше присутствие здесь является для нас знаком милосердия, которое Господь всегда проявляет к нам, склоняясь к нашей нужде. Спасибо!

Кардинал Бассетти. Дорогой отец Хулиан, сегодня утром я с большой нежностью смотрел на эту прекрасную семью, которую Господь пожелал особым образом доверить твоим заботам через Церковь, и узнавал многих священников: в первую очередь из семинарии во Флоренции, а также из города Масса-Мариттима, из Ареццо и, наконец, из Перуджи. Я был странствующим священником и даже более того – странствующим епископом; с рюкзаком за плечами я шел туда, куда просил папа, и так познакомился с некоторыми из вас. Вот почему мое сердце наполняет огромная нежность, и я отчасти испытываю ко всем вам отцовские чувства. Но ведь отец Хулиан, судя по тому, что он сказал, нисколько не ревнует, не так ли?

Каррон. Совсем нет!

Кардинал Бассетти. В следующий раз я расскажу вам о близких личных отношениях с отцом Джуссани, сейчас не время для этого.

Мне хотелось бы закончить, учитывая все, что мы подчеркнули, и все, что я услышал в прекрасном размышлении, которое действительно стало для меня моментом созерцания. Знаете, жизнь епископа проходит в больших трудах самого разного рода, и провести один час здесь, сидеть, отчетливо видеть лицо отца Каррона (я сидел прямо перед ним), слушать его слова – это настоящий бальзам на душу, за что отдельное спасибо. Подводя итог сказанному, я вспоминаю слова Иисуса, обращенные к Его ученикам после того, как Он призвал их и поставил, когда заповедал им: «Идите, приносите плод, и пусть плод ваш пребывает». Дорогие дети, приносите и вы в Церкви и в мире все те плоды, которых Господь ждет от каждого и от каждой из вас!

С такими чувствами преподаю вам благословение.

* * *

Regina Coeli

Суббота, 30 апреля, вечер

На входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт. Концерт для фортепиано с оркестром № 23, ля-мажор, KV 488

Мария Юдина, фортепиано

Александр Гаук – Симфонический оркестр Государственного радио СССР

Запись 1948 г.

«Виста Вера», Москва, 2005 г.

■ ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Хулиан Каррон

«Да, Господи, Ты знаешь, что для меня Ты – объект высшей симпатии»

Как мы видели сегодня утром, во Христе открылся смысл утверждения о том, что Бог есть милосердие. Его неслыханная новизна кажется даже чем-то несправедливым – настолько она неслыханна, его новизна потрясает – настолько она превосходит любое воображение. Христос – вершина милосердия, высшая точка того Божественного стиля, о котором говорит Бенедикт XVI и о котором папа Франциск напомнил нам в своем выступлении во Флоренции, обратившись к фреске «Се человек» в кафедральном соборе Санта-Мария-дель-Фьоре: «Что мы видим, вглядываясь в Его лик? Прежде всего, лицо Бога “уничужденного”, Бога, Который “принял образ раба, смирил Себя, быв послушным даже до смерти” (ср. Фил. 2, 7)»¹¹⁸. В отказе от какой-либо власти открывается смысл того, о чем говорил Бенедикт XVI: стиль Бога в том, чтобы «не подавлять внешней силой, но давать свободу и пробуждать [любовь]»¹¹⁹.

Можно было бы подумать, что этим все сказано. На самом же деле, как мы уже поняли вчера, следуя за мыслью Бенедикта XVI, нам все еще необходимо проверить, действительно ли милосердие, открываемое нам Богом в Его стиле, без применения какой бы то ни было власти, имело и имеет влияние на человеческое «я». В противном случае Бог не смог бы оправдаться перед сердцем человека. На протяжении всей истории Он неизменно преследовал одну цель: породить человека, который любил бы Его свобод-

¹¹⁸ Франциск. *Обращение к участникам V Национальной встречи Церкви в Италии*. Флоренция, 10 ноября 2015 г.

¹¹⁹ См. сн. 10.

но. «Этой свободе... Я пожертвовал всем, говорит Бог, / Этому желанию быть любимым свободными людьми, / Свободно»¹²⁰. Таково было обещание «нового завета», о котором говорили пророки.

Вопрос в том, достиг ли Бог Своей цели. Удалось ли Богу через Иисуса вызвать такую любовь, такую свободу, такую привязанность? Получилось ли у Него породить свободное «я», способное признать Его? Другими словами, оправдался ли Он перед разумом и сердцем людей? Если наш ответ утвердительный, если Его попытка удалась, тогда есть надежда, что такое «я» пробудится и в нас, и мы уже не будем обречены оставаться во власти самих себя, наших непостоянных желаний и нашего бессилия.

1. «Да» святого Петра

«Самое великое открытие, которое Христос позволил нам сделать за последние двадцать лет нашей истории, – это “да” святого Петра»¹²¹, – говорил отец Джуссани в 1995 г. Действительно, страницы, рассказывающие о «да» Петра – в числе наиболее оригинальных и восхитительных из всех, что он нам оставил. В то же время, это и наименее понятые страницы, настолько они переворачивают нас, настолько во всех смыслах превосходят наше понимание. Необходимо позволить их свидетельству, их голосу увлечь нас, чтобы всем нашим существом ощутить их смысл, чтобы понять, потому что понимание приходит лишь благодаря опыту, а не в ходе отвлеченных размышлений.

Отец Джуссани удивляет нас уже первой фразой: «Двадцать первая глава Евангелия от Иоанна – это завораживающий рассказ о возникновении в истории новой этики, новой нравственности. Частный случай, который в ней засвидетельствован, – краеугольный камень христианского представления о человеке, о его моральных принципах в отношениях с Богом, с жизнью, с миром»¹²².

Попробуем уловить всю революционную важность вступления, сделанного Джуссани: краеугольный камень христианского представления о человеке, то есть наиболее целостного и соответствующего человеку понимания его нравственности и его отношения с Богом – исторический факт. Иными словами, основа по-настоящему сообразного взгляда на нас самих и на других – не в лекциях по христианской антропологии, а в частном случае, без

¹²⁰ См. сн. 11.

¹²¹ Запись встречи диаконии «Общения и освобождения» в Испании с отцом Джуссани. Милан, 15 мая 1995 г. Архив главного секретариата «Общения и освобождения». Милан.

¹²² L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Milano: Rizzoli, 1998. P. 82.

которого нельзя понять и антропологию. Следуя за всеобщим ходом мыслей, мы считаем его почти несущественным, поскольку он не поддается повторению за счет наших усилий: это отдельно взятая история, которая не может стать «моделью» и потому не воспроизводима в рамках научного метода. Частный случай кажется нам слишком ненадежным оружием в борьбе против идеологий, умаляющих человека, и потому мы пытаемся отмахнуться от него, тогда как для отца Джуссани это краеугольный камень, заложивший основу всего. Сам Иисус говорил о Себе: «Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла»¹²³.

Если мы действительно хотим во всем этом разобраться, нам волей-неволей нужно вспомнить, как в мире возникли новое сознание и новая нравственность. В этом смысле не перестает удивлять, какую методологическую ценность отец Джуссани видит в евангельских рассказах, которым он постоянно дает воспитывать себя, у которых он не устает учиться. Нам достаточно прочитать пару раз, и мы думаем, что уже все знаем! Чтобы не повторять наши обычные ошибки, попробуем вслед за отцом Джуссани вжиться в Евангелие, не станем относиться к нему как к чему-то уже известному и позволим каждому слову поражать нас, словно мы слышим его впервые.

«На заре ученики возвращались после неудачной ночи на озере, ничего не поймав. Они заметили, как кто-то на берегу раскладывал огонь. Чуть позже они увидят, что на огне для них разложена рыба, чтобы им было чем утолить утренний голод. Вдруг Иоанн говорит Петру: “Это же Господь!” Тут у всех открылись глаза, и Петр, как был, бросился в воду и первым достиг берега. За ним подплыли и остальные. Расположились кругом в молчании: никто не говорил, все знали, что это Господь. Возлегли для трапезы, они перекинулись парой слов, но все робели перед исключительным присутствием Иисуса, Иисуса воскресшего, Который уже не раз являлся им. Симон, чьи многочисленные ошибки сделали его самым смиренным из всех, тоже растянулся на земле перед пищей, приготовленной Учителем, оглянулся на того, кто был рядом с ним, и с удивлением и трепетом увидел, что это Иисус. В смущении он отвел от Него взгляд. Но Иисус заговорил с ним. Петр в сердце своем подумал: «Боже мой, Боже мой, какого укора я заслуживаю! Сейчас Он скажет мне: “Почему ты предал Меня?” Предательство стало последней серьезной его ошибкой». Но, как всем нам известно, когда мы совершаем серьезную ошибку, перед нами словно являются все ошибки прошлого. Так случилось и с Петром, который «всю жизнь мучился из-за порывистого характера, из-за инстинктивного стремления настаивать

¹²³ Мк. 12, 10.

вать на своем, из-за склонности действовать необдуманно. Все его существо предстало перед ним в свете его недостатков. То предательство с ясностью выявило остальные его ошибки, его никчемность, его слабость, слабость, заслуживавшую сострадания. “Симон...” – кто знает, как он вздрогнул, когда это слово отдалось в его ушах, коснулось сердца. “Симон, – тут он, должно быть, чуть заметно повернулся к Иисусу, – любишь ли ты Меня?” Кто мог бы ожидать такой вопрос? Кто мог бы ожидать такие слова? Петр был человеком лет сорока-пятидесяти, с семьей и детьми, но как же по-детски он предстоял перед тайной того друга, встреченного случайно! Попробуем представить, как он, наверное, ощущал на себе Его пронизывающий взгляд, знавший о нем все. “Ты наречешься Кифа”, – это слово, “камень”, определяло его непростой характер, и последняя мысль Симона была о том, что же тайна Бога и тайна того Человека, Сына Божия, сделают с этим камнем, из этого камня. С первой же встречи Он заполнил всю его душу, все его сердце». Какая же сила заключалась в первой встрече Петра с Иисуса, чтобы определить всю его жизнь! «Ощущая в сердце Его присутствие, непрестанно помня о Нем, Петр смотрел на жену и детей, на своих соратников, на друзей, на чужих, на отдельно взятых людей и на толпы, и размышлял, и засыпал. Тот Человек стал для него как бы великим, безмерным откровением, не до конца еще проясненным»¹²⁴.

Отец Джуссани продолжает переживать евангельскую сцену: «“Симон, любишь ли ты Меня?” – “Да, Господи, я люблю Тебя”». Но как такое было возможно, «как мог он так говорить после всего, что совершил», когда в его памяти всплывали все допущенные им ошибки? «То “да” было твердым признанием высшей исключительности, неоспоримой исключительности, симпатии, отменявшей все остальные. Все прочитывалось в том взгляде, и последовательность и непоследовательность словно отходили, наконец, на второй план, вытеснялись верностью, которую он ощущал плотью от плоти своей, вытеснялись формой жизни, вылепленной той встречей»¹²⁵. Симпатия – не то слово, что мы надеемся услышать, когда речь заходит о нравственности, особенно если оно отодвигает на второй план столь часто гнетущую нас проблему последовательности и непоследовательности. Но тот, кто пережил ее на опыте поймет: присутствие, подобное Иисусову, симпатия, подобная той, что пробуждает Иисус, превосходят любые возможные преступления.

«В действительности, – продолжает отец Джуссани, – не было никаких укоров. Он повторил вопрос: “Симон, любишь ли ты Меня?” Не в нерешит-

¹²⁴ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 82–83.

¹²⁵ *Ibidem*. P. 83.

тельности, но все же с робостью и трепетом тот вновь ответил: “Да, я люблю Тебя”. Однако в третий раз, когда Он в третий раз обратился к нему с вопросом, ему пришлось искать подтверждения у Самого Иисуса: “Да, Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя. Тебе отдано мое человеческое предпочтение, все предпочтение моей души, все предпочтение моего сердца. Ты главное предпочтение в жизни, Ты несоизмеримо выше всех вещей. Я не знаю, не знаю как, не знаю, как сказать, и не знаю, как так может быть, но, невзирая на все, что я натворил, невзирая на то, что я еще способен натворить, [сейчас, в сей самый миг] я люблю Тебя»¹²⁶.

Как видите, в Симоне верх берет эта симпатия, это предпочтение, что изумляет в первую очередь его самого. «Я не знаю как», – он не в состоянии объяснить себе, как возможна такая симпатия, и неотвратно замечает ее в себе и понимает, насколько она важнее всех допущенных им ошибок.

Гениальность отца Джуссани в том, с какой простотой он учится у этого рассказа и не сводит «да», сказанное Петром, к сентиментальному порыву, к трогательному моменту, лиричному и волнующему, а улавливает всю его важность – порождающую, образующую, полагающую основание новой жизни. «Это “да” есть источник нравственности, первое дуновение нравственности в безжизненной пустыне инстинкта и чистой реакции. Нравственность уходит корнями в “да”, сказанное Симоном, и это “да” способно приняться в почве человеческой лишь благодаря Присутствию – господствующему, понятому, принятому, обнятому, которому служишь со всей устремленностью твоего сердца, потому что только так можно вновь стать ребенком. Без Присутствия не существует нравственного действия, не существует нравственности»¹²⁷.

Одна такая фраза заменит целые книги о морали и многие наши стратегии, которые кажутся нам более умными. Укорениться в нас, прорасти до самой глубины нашей личности может не закон, не наставление, не слова, не лекция, а, как говорит отец Джуссани, лишь «Присутствие, господствующие, понятое и принятое»¹²⁸. И эта мысль освобождает. Без Присутствия сказанное нами «да», а значит и нравственность, не приживется в почве нашего сердца. И нет смысла жаловаться: не приживется оно, какие бы усилия мы ни прикладывали. «Да» может прижиться только благодаря господствующему Присутствию. «Без Присутствия не существует нравственного действия». Об этом говорил и Сам Христос: «Без Меня не можете делать

¹²⁶ *Ibidem*. P. 83–84.

¹²⁷ *Ibidem*. P. 84.

¹²⁸ *Ivi*.

ничего»¹²⁹. Необходимо было, чтобы милосердие Бога воплотилось, стало присутствием, присутствием во плоти, в истории – только так оно могло увлечь человека с головой, только так «да» могло прижиться в человеческом сердце.

Что такого особенного есть в этом Присутствии, благодаря чему оно побуждает нас отвечать ему да и порождает новую нравственность?

«У этого человека, Иисуса, имеется одна очень простая человеческая характеристика: Он вызывает человеческую *симпатию*», какую никогда не вызовут ни закон, ни лекции, не своды указаний, обязательных к соблюдению. Этот человек во плоти вызывает человеческую симпатию. Вот почему «нравственность, то есть победа над нигилизмом [над распадом, над участью вечно плыть по течению], заключается не в том, чтобы не ошибаться, чтобы не допускать промахи, а чтобы, даже допуская промахи, ошибаясь, на вопрос “Симон, любишь ли ты Меня” отвечать “Да, Господи, я люблю Тебя”». Я могу ошибиться тысячу раз, «но я тут, я остаюсь верным человеческой симпатии, которая исходит от Тебя, Иисус из Назарета, я тут. И в свете исходящей от Тебя симпатии я учусь, учусь жить, учусь быть человеком. С нравственностью все очень просто: надо только оставаться верным этой симпатии, человеческой симпатии. Человеческой симпатии, подобной той, что мать испытывает к своему ребенку и ребенок испытывает к своей матери». Проблема не в том, чтобы ребенок не шалил – это невозможно: чтобы он учился жить, достаточно симпатии матери, которая привлечет его, пробудит в нем всю его симпатию. Это глубинная, утробная симпатия, как и симпатия того Человека по отношению к Петру. «Иисус испытывает человеческую симпатию к тебе, ко мне, и я, даже когда ошибаюсь, говорю: “Да, Господи, я держусь этой симпатии”. Последнее утверждение – единственный способ победить нигилизм, которым мы “заражаемся от окружающего нас общества”. Мне очень важно [говорил отец Джуссани], чтобы вы усвоили то, что я сказал в конце, то есть что нравственность – наше “да” на вопрос Христа “Любишь ли ты Меня?” – начинается очень просто, нужно только держаться симпатии. А держаться симпатии тоже легко: нужно *смотреть*, нужно обратить взгляд на Христа»¹³⁰.

И словно пораженный новизной собственных слов в сравнении с господствовавшим мнением, как бы ощущая нашу растерянность перед его словами, Джуссани поднимает вопрос, столь волнующий каждого из нас: «Почему же “да” Симона является источником нравственности? Разве

¹²⁹ Ин. 15, 5.

¹³⁰ L. Giussani. La virtù dell'amicizia o: dell'amicizia di Cristo // *Tracce-Litterae communionis*. N. 4. Aprile. 1996. P. IV–V.

не важнее критерий последовательности и непоследовательности? Петр столько дров наломал...» Мы не должны приукрашивать реальность. «Петр [действительно] наломал немало дров, но, несмотря на это, жил превосходившей все симпатией ко Христу». Для нас практически невозможно совместить и то, и другое, нам не удается удержать их вместе. И потому какое освобождение – слышать обратное! Петр с удивлением замечал, что его тянет к Нему, он «понимал, что все в нем было устремлено ко Христу, что все сходило в тех глазах, в том лице, в том сердце. Грехи прошлого не могли воспрепятствовать ему, как и любая будущая непоследовательность, какую только можно вообразить: Христос был источником, местом его надежды. Ему даже могли вменить в вину то, что он сделал или еще сделал бы, Христос продолжал сквозь завесу возражений излучать свет его надежды. И он ценил Его превыше всего остального, с первого момента, как ощутил на себе Его пристальный взгляд, почувствовал, что Он смотрит на него: за это он Его и любил»¹³¹. То же самое произошло и с Марией Магдалиной. Понимаете, почему она искала Его днем и ночью? Не потому что должна была – она просто не могла не искать Его днем и ночью.

«Да, Господи, Ты знаешь, что для меня Ты – объект высшей симпатии, наибольшего почитания»: так рождается нравственность [в отношении со Христом]. «Да, я люблю Тебя» – это все-таки довольно общие слова, но сколь они общие, столь и способны породить инаковость жизни»¹³². Нужно ли было вам прочесть все это, чтобы вы посмотрели на себя должным образом? Признаюсь, я, возможно, ничего другого не читал так много раз, чтобы быть в состоянии смотреть на самого себя, обнимать самого себя, смотреть на себя, как Он смотрит на меня, замечать симпатию, увлекающую за собой все остальное. Мы никогда до конца не отблагодарим отца Джуссани за способность смотреть на самих себя независимо от того, что мы натворили, за возможность возвращаться к этим страницам, поскольку не мы даем себе такой взгляд, способность так смотреть.

Отец Джуссани проявлял по отношению к нам удивительную заботу и потому ничего не хотел упускать из виду, чтобы «да» Петра не стало для нас ловушкой, удушающей меркой. Вот почему он задается вопросом: «Разве “да” Петра автоматически превратилось в последовательность? Никак нет! Я отказываюсь так думать! Это “да” остается, и его конечное таинственное содержание – в связи с тем Присутствием, с притягательно-

¹³¹ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 84.

¹³² *Ivi*.

стью и человечностью того Присутствия»¹³³, и оно приводит в замешательство тех, кто требует отчета в действиях от себя и от других, – оно гораздо состоятельней любого баланса.

Так что же получается? Если «да» не уберегает от ошибок, то как нам предстоять перед нашими весьма предсказуемыми промахами? Отец Джуссани часто цитировал фразу из *Первого послания апостола Иоанна*: «Всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя так, как Он чист»¹³⁴. Что она значит? Что «наша надежда – во Христе, в том Присутствии, которое мы, несмотря ни на какие рассеянность и беспамятство, уже не в силах вырвать – по крайней мере с корнем – из почвы нашего сердца, благодаря всей той традиции, в рамках которой Он достиг нас». Христос есть присутствие, которое мы не в состоянии выкорчевать из нашей почвы, из почвы нашего сердца.

«На Него я возлагаю надежду еще до того, как берусь пересчитывать мои грехи и добродетели. Они не имеют никакого значения, подсчеты тут не важны. В отношении с Ним не важны цифры, не важна тяжесть – измеренная и поддающаяся измерению, не важно даже все зло, способное осуществиться во мне в будущем, – оно не способно присвоить первое место, отданное в глазах Христа тому “да”, которое сказал Петр и которое я повторил. И потому из самой нашей глубины рождается порыв, подобный дыханию, поднимающемуся из груди, опьяняющему человека и подталкивающему его к действию, пробуждающему в нем желание действовать более праведно: из глубины сердца пробивается, прорастает цветок желания справедливости, истинной, настоящей любви, способности к безвозмездности. Как в начале любого действия лежит не анализ того, что видит глаз, а объятие того, что ожидает сердце, так и совершенство [внимание, совершенство] состоит не в соблюдении законов, а в прирастании к Присутствию»¹³⁵.

От прощения, вне всякого сомнения, не рождается желание вновь ошибиться. Лишь тот, кого никогда не прощали, способен думать: «Повторю-ка все снова, раз мне простили...» Ты можешь повторить, но не желать повторения. Как правило, мы замечаем в себе желание действовать более праведным образом. «Только человек, живущий надеждой на Христа, проводит всю жизнь в аскезе, в стремлении к благу. Даже будучи исполнен неприкрытых противоречий, он желает блага. И это желание всегда побеждает, то есть оно является последним словом человека о самом себе, о прожи-

¹³³ Запись встречи диаконии «Общения и освобождения» в Испании с отцом Джуссани. Милан, 15 мая 1995 г. Архив главного секретариата «Общения и освобождения». Милан.

¹³⁴ *1 Ин.* 3, 3.

¹³⁵ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 85.

том дне, о том, что он делает, о том, что он сделал и о том, что еще сделает. Человек, живущий надеждой на Христа, продолжает свой путь в аскезе. Нравственность есть непрестанное стремление к “совершенству”, рождающееся от события, в котором *запечатлелось* отношение с божественным, с Тайной»¹³⁶.

Следовательно, христианская нравственность никоим образом не может гарантировать нам отсутствие ошибок. Но она также не позволяет нашим ошибкам раздавить нас. «В отношении с Ним цифры не важны», они не считаются. Нравственность есть устремление, рождающееся от удивления перед любовью Христа.

Какова же, – снова спрашивает отец Джуссани, – подлинная причина “да”, сказанного Симоном Христу? «Почему “да”, сказанное Христу, гораздо ценнее, нежели перечисление всех совершенных ошибок или составление списка всех промахов, возможных в будущем из-за нашей слабости? Почему это “да” важнее и значительней любой нравственной ответственности в частных ее проявлениях, в конкретных делах? Ответ на эти вопросы открывает конечную сущность Того, Кто был послан Отцом. Христос – Отчий “посланник”, являющий Отца людям и миру. “Сия же есть истинная жизнь, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа”. Вот самое главное: “да знают Тебя”, да любят Тебя, потому что в этом «Ты» – смысл жизни. “Да, я люблю Тебя”, – сказал Петр. Причина этого “да” заключалась в том, что Петр по глазам Христа, пристально посмотревшим на него в первую встречу и так часто останавливавшимся на нем в последующие дни и годы, по Его глазам он понял: Бог, Ягве, истинный Ягве есть *милосердие*. Вот что увидел Петр, вот что он испытал: «В Иисусе отношение Бога с Его творением открылось ему как любовь и, таким образом, как милосердие. Милосердие – позиция Тайны перед любой слабостью, перед любой ошибкой, перед человеческой забывчивостью: Бог любит человека, какое бы преступление он ни совершил. Именно это ощутил Симон, и именно от этого родилось его “Да, я люблю Тебя”»¹³⁷.

Меня всегда поражал рассказ о человеке, который пришел к отцу Джуссани, тогда еще молодому священнику, служившему в одном миланском приходе: «В исповедальню зашел мужчина. Он стоял и ничего не говорил. Тогда я посмотрел на него. В ответ на это мое движение, он произнес: “Я убил”. Уж не знаю как, я спросил его: “Сколько раз?” Он почувствовал, что мог бы сказать “тысячу раз”, и я отнесся бы к нему точно так же, как если бы он сказал “один раз”. Тут он зарыдал и в слезах нагнул, чтобы обнять

¹³⁶ *Ivi.*

¹³⁷ *Ibidem.* P. 86–87.

меня: он предощутил возможность прощения»¹³⁸. Насколько уже тогда, в молодости, отец Джуссани осознал, какая новизна вошла в историю, если смог так вести себя с убийцей. Он ничуть не оправдывал его. Нам, как и ему, не нужно ничего оправдывать, мы можем смотреть на все, признавать все, ведь есть взгляд, есть способность прощать, есть милосердие, которые превосходят любую меру. Тот, кто отрицает совершённое, тщетно надеется разрешить проблему (в том числе, когда речь об убийстве!). Проблема останется, даже если удастся скрыть ее от собственных глаз. Слава Богу, что есть Ты, Христе, и что Ты так явил Себя, ведь иначе нам пришлось бы нести на плечах неподъемный груз нашей вины.

«Смысл мира и истории – в милосердии Христа, Сына Отца, посланного Отцом, чтобы умереть ради нас. В драме Милоша Мигель Маньяра изо дня в день приходил к аббату сокрушаться о грехах прошлого, и тот в один прекрасный момент, словно потеряв терпение, сказал: “Довольно бабьих причитаний. Ничего этого никогда не было”. Как это “никогда не было?” Мигель убивал, насиловал, поступал несправедливо... “Ничего этого не было. Есть один Он”. Он, Иисус, обращается к нам, идет нам навстречу, спрашивая лишь об одном: не “что ты наделал?”, а “любишь ли ты Меня?” И поэтому любить Его превыше всего не значит, что я не грешил или не согрешу завтра. Как странно! Чтобы быть таким милосердием, необходима бесконечная сила, бесконечная сила, из которой в этом земном мире, во времени и пространстве, данных нам для жизни, в те годы, многие или нет, что нам отпущены, мы черпаем нашу радость. Человек, даже осознавая всю свою малость, радуется вести о милосердии, о том, что Иисус есть милосердие. <...> “Ты склонился над нашими ранами и исцелил нас, – говорится в префации амвросианской литургии, – даровав нам лекарство, что сильнее наших язв, милосердие, что сильнее наших вин. Потому даже грех в силу Твоей несокрушимой любви послужил, чтобы вознести нас к божественной жизни”»¹³⁹.

О том же самом говорил нам и папа Франциск 7 марта прошлого года. Христианская нравственность рождается именно так. «Именно благодаря Его милосердному объятию мне хочется ответить и измениться, именно от него может взять начало иная жизнь. Христианская мораль не в титаническом, волюнтаристском усилии человека, решающего быть последовательным и достигающего поставленной цели, она не в вызове, бросаемом одиночкой всему миру. Нет. Это что угодно, но не христианская мораль. Христианская же мораль есть ответ, ответ, взволнованный удивительным

¹³⁸ L. Giussani. *Lautocoscienza del cosmo*. Milano: Bur, 2000. P. 63.

¹³⁹ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 87.

милосердием, непредсказуемым и даже “несправедливым” с человеческой точки зрения, милосердием Того, Кто знает меня, знает мое предательство и тем не менее любит меня, ценит меня, обнимает меня и вновь призывает, не теряя на меня надежды и не оставляя ожиданий»¹⁴⁰.

Поэтому-то отец Джуссани и настаивает на том, что начало нравственности – *нравственности в полном смысле слова* – в действии любви, а не в законе или чувстве долга. «“Да”, сказанное Симоном Иисусу, нужно рассматривать не как проявление сентиментальности [к какому мы порой его сводим], а как начало нравственного пути, который либо открывается этим “да”, либо нет. Начало человеческой нравственности не в анализе явлений, наполняющих существование “я”, не в анализе человеческого поведения, рассматриваемого в перспективе всеобщего блага». Тут не стоит пропускать ни строчки. «Отсюда могла бы взять начало отвлеченная мирская нравственность, но не нравственность человеческая»¹⁴¹. Если мы не признаем этого, то станем принимать отвлеченную мирскую нравственность за христианскую. Начало человеческой нравственности – в действии любви. «Жизнь человека опирается на привязанность, которая более всего ее поддерживает и в которой она обретает наибольшее удовлетворение»¹⁴², и таким образом Христос оправдывается перед нами. Наибольшее удовлетворение мы находим в соответствии потребностям сердца. Только потому, что я обретаю во Христе наибольшее удовлетворение, во мне – во мне! в каждом из нас! – рождается привязанность, способная служить опорой для всей жизни. «Начало нравственности – в действии любви. И поэтому необходимо присутствие, поражающее нашу личность, помогающее нам собраться с силами, пробуждающее и притягивающее их к некому благу, неведомому и вместе с тем желанному и долгожданному, к благу, которое есть Тайна»¹⁴³. Без этого Присутствия мы не в состоянии оставаться цельными. «Христос влечет меня всего»¹⁴⁴, Он притягивает все во мне, всего меня.

«Диалог между Иисусом и Петром завершается странным образом. Последний собирается последовать за Иисусом и переживает об ученике помоложе, об Иоанне, который был ему как сын: “Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! а он что? Иисус отвечает: Не беспокойся о нем, следуй за

¹⁴⁰ Франциск. *Обращение к движению «Общение и освобождение»*. Площадь Святого Петра, 7 марта 2015 г.

¹⁴¹ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 88–89.

¹⁴² Фома Аквинский. *Сумма теологии*. IIa, IIae, вопрос. 179.

¹⁴³ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 89.

¹⁴⁴ Jacopone da Todi. *Como l'anima se lamenta con Dio de la carità superardente in lei infusa*. Lauda XC // *Le Laude*. Firenze: Libreria Editrice Fiorentina, 1989. P. 313.

Мною». То “да” обращено к Присутствию, говорящему: “Следуй за Мною” [этим все сказано!], оставь твою жизнь [предай ее в Мои руки]. “Jesu, tibi vivo, Jesu tibi morior, Jesu sive vivo sive morior, tuus sum”. Живешь ли, умираешь ли – ты Мой. Ты принадлежишь Мне. Я создал тебя. Я твоя судьба. Я смысл тебя и мира»¹⁴⁵. Ничто другое не приносит нам большего удовлетворения.

Поразительно, насколько хорошо отец Джуссани понимает, что движет человеком в самой глубине его сердца. Хотя наш мнимый реализм и подсказывает нам иначе, лишь присутствие способно затронуть глубины нашего сердца и привести их в движение, пробуждая в нас желание измениться. Если этого не происходит, все сводится лишь к болтовне, к нашим неказистым и неудачным попыткам. Одно мгновение такого движения, одно мгновение такой симпатии значит больше любых наших намерений. Один миг глубинного предпочтения в отношении Христа ценнее всего остального. И потому без господствующего Присутствия, которое мы можем обнять, наше «да» не приживается в нас. Только сильное притяжение Присутствия в состоянии вызвать симпатию, не остающуюся на уровне последовательности и непоследовательности и подсчетов ошибок. Только Присутствие, полное милосердия, способно пробудить любовь, то есть начало нравственности.

Далее отец Джуссани призывает нас обратить внимание на то, что рождается от истории отдельно взятого человека: «Нравственный герой – цельная личность, цельное “я”». Не какая-то часть нас, не та часть, что говорит: «Я поступаю так из долга, хотя на самом деле мне хочется совершенно другого». Нравственный герой – цельное «я». «А личность законом своим имеет слово, которое, как мы все полагаем, нам известно и о смысле которого со временем, если в нас была хоть крупинка верности тому, что случилось в начале, мы начинаем смутно догадываться: любовь. Личность законом своим имеет любовь. [Поскольку] “Бог, Бытие, есть любовь”, – пишет святой Иоанн. А любовь – это суждение, порожденное взволнованностью перед Присутствием, связанным с судьбой. Суждение, как когда говорят: “Это Монблан”, “Это мой хороший друг”. Любовь – это суждение, порожденное взволнованностью перед Присутствием, связанным с судьбой, перед Присутствием, в котором я открываю, предугадываю, предчувствую связь с моей судьбой», с моим свершением. «Когда Иоанн и Андрей впервые увидели Его и услышали: “Придите ко Мне домой, придите и посмотрите”, – когда оставались с Ним на протяжении нескольких часов и слушали, как Он говорил, они не понимали, но предчувствовали, что тот Человек был связан с их судьбой. Раньше они слышали всех, кто публично выступал,

¹⁴⁵ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 89.

знали их мнения, знали мнения всех партий, но лишь тот Человек был связан с их судьбой»¹⁴⁶, соответствовал их ожиданиям. Какое освобождение! Любовь – это суждение, проистекающее из соответствия. Даже ошибаясь, я знаю, что мне соответствует: Христос. Даже предпочитая порой что-то другое, я знаю, в чем мое свершение. Я люблю Тебя за это, о Христе. Я могу отдалиться, но не могу уйти от Тебя, не потеряв самого себя.

Вот почему «христианская нравственность есть революция на земле, ведь она не свод законов, а любовь к существу: человек может совершить тысячу ошибок и всякий раз будет прощен, ему всякий раз будет даровано новое начало, и он сможет продолжить свой путь, если сердце [обратите внимание на условие!] вновь говорит да». В христианской нравственности нет ничего машинального, ничто не происходит само собой, поскольку есть условие: сердце должно вновь сказать да. «В этом “Да, Господи, я люблю Тебя” важно устремление всей личности, пронизанной сознанием о Христе как о Боге и о любви Человека, пришедшего ради меня. Все мое сознание определяется этим, и я могу ошибаться тысячу раз на дню и уже не смею поднять глаза от стыда, но этой уверенности у меня никто не отнимет. Я лишь молю Господа, молю Духа Святого о моем изменении, о том, чтобы Он помог мне подражать Христу и чтобы мое присутствие все больше напоминало присутствие Христа. <...> Меня могут обвинить в миллионе проступков, могут предать суду, и судья может отправить меня в тюрьму, даже не допросив, без веских доказательств, не разбираясь, виноват я или нет, но никому не под силу отнять у меня привязанность, благодаря которой я непрестанно прихожу в трепет от желания блага, единения с Ним. Благо – это не какое-то “благо”, а единение с Ним. [Он и есть благо] <...> Нужно следовать за Его лицом, за Его присутствием, нести Его присутствие повсюду, говорить о Нем всем и каждому, чтобы Его присутствие правило миром, а конец мира настанет в тот момент, когда это Присутствие станет очевидным для всех»¹⁴⁷.

Учитывая важность проблемы и прекрасно зная, что и мы «жестоковыйны», строптивы, отец Джуссани повторяет: «Такова новая нравственность: она есть любовь, а не правила, обязательные к соблюдению. А оскорбить объект любви или позабыть о нем – зло. Конечно, потом, смиренно анализируя перипетии человеческой жизни, можно сказать: “Вот это было бы плохо, а вот то – хорошо”, – и перечислить по порядку все заблуждения, в какие только человек способен впасть. Одним словом, можно составить книгу о морали. Но мораль – во мне, любящем Того, Кто сотворил меня

¹⁴⁶ *Ibidem*. P. 89–90.

¹⁴⁷ *Ibidem*. P. 90–91.

и Кто уже здесь. Не будь оно так, я мог бы использовать нравственность исключительно в собственных интересах, что в любом случае приводило бы в отчаяние. Чтобы понять это, достаточно почитать Пазолини или Паве-зе; нет, достаточно вспомнить об Иуде»¹⁴⁸.

Нравственность – во мне, любящем Того, Кто сотворил меня и Кто уже здесь; она во мне, в моем цельном «я». Удивительно, каким решительным и в то же время простым способом отцу Джуссани удается показать, как Христос исполняет обещание, заключенное в новом завете, который воз-вещали пророки и о котором мы говорили сегодня утром. Вспомним слова Иеремии: «Вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его [вплоть до того момента они оставались неверны, словно закон так никогда по-настоящему и не вошел в их сердца], и буду им Богом, а они будут Моим народом»¹⁴⁹. А вот что говорит Иезекииль: «И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам серд-це плотное. Вложу внутрь вас дух Мой и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих и уставы Мои будете соблюдать и выполнять. И будете жить на земле, которую Я дал отцам вашим, и будете Моим народом, и Я буду вашим Богом»¹⁵⁰.

Тут у нас могло бы возникнуть возражение: отец Джуссани любит Иису-са, а вот я, к сожалению, не люблю Его, я не люблю Его, как любит он. Неко-торые так и заявляют: «Видно, что Джуссани любит Иисуса, а я не люблю Его так». Однако отец Джуссани отменяет прочь любые отговорки: «Почему вы возражаете? По поводу чего вы возражаете? Почему противопоставляе-те то, чего у вас якобы нет, тому, что у меня якобы есть? Почему, что такого есть у меня? У меня есть только это “да” и ничего другого, и вам оно не стои-ло бы ни на грош больше, чем мне. Ваши возражения метят не в ту мишень, точнее, они свидетельствуют о поиске оправданий, отговорок. Ваши обли-ченные, признанные публично недостатки и ошибки <...> – всего лишь повод, чтобы не говорить да Иисусу. Говорить да Иисусу. <...> Нет ничего проще: “Не знаю почему, не знаю как, знаю только, что должен сказать да. Я не могу не сказать его”. Я мог бы сказать нет; наверное, я говорил его в семь лет – в семь лет можно быть настолько гордыми, чтобы отрицать (в семь лет можно отрицать); в пятнадцать – уже хуже; в двадцать – *comme ci comme ça*, а потом хватит: либо ты просто, открыто и сознательно обманываешь, либо говоришь да»¹⁵¹.

¹⁴⁸ *Ibidem*. P. 91.

¹⁴⁹ *Иер.* 31, 33.

¹⁵⁰ *Иез.* 36, 26–28.

¹⁵¹ L. Giussani. *L'attrattiva Gesù*. Milano: Bur, 1999. P. 203–205.

Мы часто неправильно воображаем себе это «да». Однако, чтобы произвести его, не требуется смелость или какие-то особые способности: нужно только последовать за симпатией, исходящей от Него. «Да» рождается от опыта соответствия, который ни с чем нельзя спутать, оно проистекает из признания Присутствия, связанного с твоей судьбой. Оно требует лишь искреннего согласия с испытанным на опыте соответствием, нужно просто уступить очевидности единственного в своем роде взгляда на нашу жизнь. Именно так Бог оправдывается перед нашим сердцем.

Пусть каждый из нас сейчас, в конце этой лекции, попробует сравнить метод Бога, явленный в «да» Петра, и тот метод, что мы более или менее сознательно применяем к себе и к другим людям. Откуда мы ждем изменения – нашего собственного и окружающих? К какому методу прибегаем? На основании какого метода действуем? На основании Божьего метода? Если это не так, если этот метод не главный для нас, мы впадаем в дуализм: мы восхищаемся «да» Петра, но сводим его к набожности, к благочестию, к религиозному сентиментализму, даже к интимизму, тогда как чтобы жить, сталкиваться с проблемами, вступать в отношения, вести общественную и культурную жизнь требуется что-то «другое».

Джуссани предупреждал нас об этом давным-давно, еще в 1977 году! «Для многих из нас тот факт, что спасение – во Христе Иисусе и что освобождение жизни и человека здесь и в иной жизни неотрывно от непрерывной встречи с Ним, превратился в “духовный” призыв. [Не больше, не меньше.] Конкретное же заключается в чем-то другом»¹⁵².

Дуализм проявляется в смене метода: мы отходим от отдельно взятой истории, с помощью которой Христос устанавливает метод, позволяющий передавать христианское понимание человека, побуждать его к присоединению, к нравственности, и сосредотачиваемся на чем-то еще. Иными словами, с одной стороны, мы умаляем значение встречи со Христом, а с другой, как следствие, иступленно или самонадеянно полагаемся на то, что умеем делать сами, следуя общепринятым шаблонам.

Кажется, будто источник новой культуры – в наших разумных попытках анализировать и двигаться вперед и никак не в «отдельно взятой истории», в *affectus*, в любви к некоему факту, к событию присутствующего Христа. Когда так происходит, критерии и перспективы суждения неизбежно впадают в зависимость от того, что предлагает нам мировой «супермаркет», хотя мы этого и не сознаем. Если встреча умалена до духовного порыва или до эмоции, мы ищем факторы, обуславливающие наш взгляд на реальность, где угодно, но не в ней. Так в нас проникает дуализм.

¹⁵² L. Giussani. Viterbo 1977 // *Il rischio educativo*. Torino: SEI, 1995. P. 61.

Тогда как «новое познание и новая нравственность, – настаивает отец Джуссани, – имеют один исток. Для Симона, сына Ионина, и для Павла исток нового познания совпадает с истоком их нравственности: он в Событии, которое происходит в настоящем»¹⁵³.

Исток подлинной культуры и новой нравственности – в событии, в частном случае, в Присутствии, исполненном притягательности, в присоединении к нему. Чтобы начать замечать его, достаточно просто взглянуть на то, что случилось с каждым из нас. Не наши собственные усилия позволили нам признать человеческие многомерность и глубину, какие мы прежде не замечали или отрицали, не наши усилия позволили нам с удивлением обнаружить, что мы способны на поступки, каких раньше и вообразить не могли: все это случилось благодаря встрече, которая обновлялась с течением времени и с которой мы срослись.

Именно встреча со Христом, произошедшая при посредничестве определенных людей, открыла нам глаза, распахнула наш разум, преодолела любые мерки и предрассудки и изменила наше отношение ко всему. То, что случилось с нами, – единственный верный путь и для других. Сегодня мы ясно это видим: недостаточно настаивать на христианской антропологии, чтобы изменить взгляд на человека, недостаточно просто повторять положения христианской морали, чтобы изменить отношение с реальностью. Нам пришлось ждать, чтобы Тайна воплотилась, чтобы в нашей жизни произошла встреча, потому что без Его присутствия, без присутствия Христа здесь и сейчас, в нас не приживаются ни христианская антропология, ни христианская мораль. Именно на этом уровне решается, следуем ли за тем, что Христос открыл нам. Однако мы часто, не обращая внимание на то, как Христос творит вещи, думаем, будто можем достичь других людей иными способами. Но необходимо, чтобы с ними произошел тот же факт, который произошел с нами, с Петром, необходимо также, чтобы человек признал и принял его – так было с нами в начале пути, и ни на каком его отрезке не может быть по-другому. Отсюда рождается подражание Богу.

2. Подражание Богу

Опыт прощения и милосердия меняет характер нашей жизни и пробуждает в нас желание творить добро. «Мои бедные родители, – рассказывал отец Джуссани, – когда я ошибался, вместо того чтобы упрекать или наказывать, прощали меня: в таких случаях появляется желание – не только у ребенка, но и у больших детей – творить добро». Появляется желание! «Нужно,

¹⁵³ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 78.

чтобы прощение, которое нам уже даровано, открылось. А открывается оно внутри нас, на той глубине, где мы рождаемся от Него, рождаемся как свобода. Нужно, чтобы прощение открылось в моей любви к тебе. Таким будет последний день, в который безмерная очевидность убедит: бесконечная боль превратится в вечную любовь»¹⁵⁴.

О том, что такое возможно, свидетельствует один наш друг заключенный: «Друзья мои, сегодня утром я вернулся в тюрьму, и вы и представить себе не можете, как помогли мне. Я вошел в тюрьму, и как обычно мне устроили досмотр, досмотр довольно-таки бесчеловечный, не имеющий отношения к человеческому достоинству. Меня раздели. Но я смог выстоять перед этим испытанием в том числе и благодаря вашим лицам, вашей доброте. И я сказал себе: “Если то, что ты пережил с друзьями, истинно, значит, и это испытание или, лучше, это обстоятельство – для тебя. Не должно существовать такого обстоятельства, которое смогло бы отнять у меня то главное, что я ношу в себе, – радостный взгляд”. В то мгновение вы стали моим спасением, и я обнял всю окружавшую меня реальность, пусть даже печальную, я обнял ее не только ради себя, но прежде всего ради тех, кто так поступал со мной. Я понимал, что в этом нет их вины. В чем виноват тот, с кем не случилась встреча, кто не встретил людей, любящих безвозмездно и тем самым учащих любить. Как можно жить без таких проводников?! В чем виноват тот, перед кем нет свидетеля, за которым стоит следовать, чтобы понять, что значит человек и, более того, почему есть смысл жить? Я смотрел на них с безграничной нежностью – и не потому что получал удовольствие от раздевания или от унижительного обращения со мной. Нет. Я смотрел на них с нежностью, потому что если с человеком всю жизнь так поступали, то и он в конце концов начинает действовать аналогично в отношении с теми, кого встречает. Его достоинство было задето, и потому он действует так же с теми, кого встречает!»

Вот почему Джуссани настаивает, что «благодаря изумлению перед Его милосердием, у нас появляется желание быть как Он». По той же причине папа призвал нас прожить Год милосердия: чтобы у нас возникло желание уподобиться Христу. «Даже у тех, кто не интересовался ни Церковью, ни моралью [продолжает отец Джуссани], появляется желание быть как Он! Ты начинаешь по-настоящему прощать врагов, тех, кто творит зло, и понимаешь Иова, который лишился всего и тем не менее мог сказать: “Господь дал, Господь и взял, да будет имя Господне благословенно!” Когда мы просыпаемся по утрам, ощущая на себе прощение, обновляющее жизнь, нам

¹⁵⁴ *Guardare Cristo. Esercizi Spirituali della Fraternità di Comunione e Liberazione. Appunti dalle meditazioni [di Luigi Giussani]. Suppl. a Litterae communionis-CL. N. 4. 1990. P. 28.*

тоже хочется сказать: “Господи, помоги мне быть как Ты!” Сам Иисус просил учеников: “Будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд” [эту фразу папа выбрал темой Святого года]. Нам кажется, это противоречит здравому смыслу, но только до определенного момента, поскольку именно таким желанием отмечена душа нового человека. Мы не вполне человечны, если не желаем быть милосердными, как Отец, сущий на небесах. Вопрос в том, действительно ли мы этого желаем». Проблема не в отсутствии ошибок, а в наличии желания. «Поэтому чудо милосердия есть желание измениться, подразумевающее принятие себя, без которого желание измениться уступило бы место амбициям и самонадеянности и не превратилось бы в просьбу, обращенную к Другому, в доверие Другому. Такое желание определяет настоящее, текущий миг грешного человека. Чудо состоит в том, чтобы принять самих себя и довериться Другому, ради изменения предстать перед Ним в мольбе»¹⁵⁵.

Поэтому-то, подводит итог отец Джуссани, «просьба есть высшее выражение человека. Так человек перестает бояться, он не уже больше не боится даже самого себя, и ощущает себя ребенком, к которому Отец склоняется, чтобы взять на руки. Взрослый человек становится ребенком на руках Отца. Он в нищете своей изумляется таинственному совершенству Бога Отца, Сына и Духа, и просит быть как Он. И это не дерзость, а настоящая и простая просьба, какой была бы просьба в полной мере сознательного ребенка»¹⁵⁶.

3. Наша задача: «быть для»

Как понимает свое пребывание в мире, свою задачу в истории человек, который приобрел опыт, подобный тому, что описал и воплотил в жизнь отец Джуссани?

В 1993 году, в разгар политического и общественного кризиса, который был связан с явлением, получившим название «взяткоград», когда казалось, что все в Италии идет прахом, в одном из разговоров у отца Джуссани спросили: «Какова на сегодняшний день задача христиан? Восстановить мир во имя Христа?» Он ответил: «Задача – сообщать, передавать всей окружающей нас человеческой природе то милосердие, с которым Христос относится к нам»¹⁵⁷.

Поразительно, насколько его мысли созвучны с тем, что говорит папа Франциск: «Жизнь Церкви основана на милосердии. Вся папская дея-

¹⁵⁵ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 187–188.

¹⁵⁶ *Ibidem*. P. 188.

¹⁵⁷ L. Giussani. *L'io, il potere, le opere*. Genova: Marietti 1820, 2000. P. 227.

тельность, направленная на верующих, должна быть проникнута нежной любовью; весть и свидетельство, обращенные к миру, отнюдь не могут обойтись без милосердия. Церковь достойна веры, – добавляет он, – [то есть способна оправдаться перед миром и перед нами], если идет путем любви, милосердной и сострадательной. Церковь “живет неутолимым желанием оказать милосердие”. Возможно, мы долгое время забывали указывать на путь милосердия и идти по нему. С одной стороны, искушение требовать справедливости – всегда и исключительно – заставило нас забыть, что справедливость – это первый шаг, важный и необходимый, но Церковь должна идти дальше, к более высокой и значимой цели. С другой стороны, печально наблюдать за тем, что в нашей культуре прощение встречается все реже. Порой кажется, что само слово выходит из употребления. Однако без прощения как свидетельства жизнь остается бесплодной, словно в голой пустыне. Снова для Церкви пришла пора нести радостную весть о прощении. Пора вернуться к самому главному и взять на себя слабости и трудности наших братьев. Прощение – это сила, что воскрешает к новой жизни и вселяет в нас отвагу, позволяя смотреть в будущее с надеждой»¹⁵⁸. Как видите, булла, провозглашающая Святой год, – кладезь ценных указаний, помогающих выполнить нашу задачу в мире согласно подлинной природе христианства.

Бенедикт XVI в уже упомянутом мной интервью задается вопросом о глубинных причинах этой задачи, которую папа Франциск называет крайне важной на сегодняшний день: «Если отцы Церкви и средневековые богословы еще могли полагать, что в большинстве своем человеческий род стал католическим и что язычество осталось лишь на краю земли, открытие Нового света в начале новой истории коренным образом все изменило. Во второй половине прошлого века окончательно утвердилось сознание о том, что Бог не может допустить гибели всех некрещенных и что для них даже совершенно естественное счастье не является настоящим ответом на вопрос о человеческом существовании. Если великие миссионеры XVI века действительно были все еще уверены, будто человек некрещенный навеки потерян, чем и объяснялось их миссионерское усердие, то после Второго Ватиканского собора Католическая Церковь окончательно отказалась от подобного убеждения. Так начался глубокий кризис двойственного характера. С одной стороны, казалось, что теперь нет никаких оснований для будущей миссионерской деятельности. Зачем пытаться убедить людей принять христианскую веру, когда они могут спастись и без нее?» Если спа-

¹⁵⁸ Франциск. *Misericordiae Vultus*. Булла, провозглашающая Внеочередной юбилейный год милосердия. П. 10.

сение возможно и без веры, уже больше не очевидна потребность в миссии. «Однако и перед христианами встала проблема: возникли сомнения по поводу обязательности веры и присущего ей образа жизни. Если есть люди, способные спастись другими способами, то в конце концов становится неясно, почему христиане должны быть связаны требованиями веры и ее морали. Если вера и спасение не взаимозависимы, то вера становится необоснованной»¹⁵⁹.

Нужно, подобно Бенедикту XVI, обладать изрядной смелостью, чтобы поднимать проблемы такого масштаба. Начнем с последней: почему и стоит быть христианами и сегодня, если можно достичь спасения и другими способами? Как мы оправдываем нашу веру перед самими собой? Это самый серьезный из всех известных нам вызовов.

Нужно проверить, по каким причинам мы остаемся христианами в настоящий исторический момент. Именно об этом говорил нам отец Джуссани: либо христианская вера является живым опытом, находящим подтверждение в себе самом, либо она не сможет устоять в мире, где все противоречит ей¹⁶⁰. Произошла ли в нашей жизни встреча, в которой Христос явил Себя как ответ на глубинные потребности нашего человеческого существа? И можем ли мы, опираясь на эту встречу, утверждать, что без Христа в нашей жизни недостает самого важного, самого дорогого? Иными словами, есть ли у нас веские причины, чтобы прилепиться ко Христу? Мы словно должны, предстая перед Ним, открыть собственную свободу – свободу любить Его свободно, как говорил Пеги: «Этой свободе... Я пожертвовал всем, говорит Бог, / Этому желанию быть любимым свободными людьми»¹⁶¹.

Теперь мы можем задать и другой вопрос: какова наша миссия, наша задача в мире? Исторические обстоятельства, в которых мы находимся, подталкивают нас к углублению нашей христианской жизни в мире. Бенедикт XVI напоминает нам, что Христово «*бытие для*» есть основополагающий образ христианского существования и Церкви как таковой... Христос един, и потому Он был и есть для всех, а христиане, согласно величественному образу Павла, составляют Его Тело в мире и потому участвуют в этом *бытии для*. Христиане, – продолжает папа Бенедикт, – живут не для себя, а со Христом для других. Это означает не некий особый билет в вечное блаженство, а призывание к созиданию целого, всего. Человеку для спасения

¹⁵⁹ *Интервью с Его Святейшеством папой на покое Бенедиктом XVI на тему оправдания верой // Per mezzo della fede / A cura di Daniele Libanori. Cinisello Balsamo-Mi: San Paolo, 2016. P. 133–134.*

¹⁶⁰ Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. Указ. соч. С. 25.

¹⁶¹ См. сн. 11.

необходимо открыть глубины своей души перед Богом, в глубине души ждать Его и прирастать к Нему, и это также означает, что мы вместе с Господом, Которого встретили, идем навстречу другим людям и пытаемся сделать для них зримым пришествие Бога во Христа»¹⁶².

Так проясняется весь замысел Бога, выбравшего нас и даровавшего нам Свою благодать: Он пробудил к жизни все то, о чем мы сегодня говорили, вспоминая историю Израиля вплоть до явления Христа, чтобы мы уже в настоящем переживали полноту, к которой устремлено все наше существо, и благодаря ей делали явным Его присутствие в мире. Возможно, теперь нам станет понятно, почему отец Джуссани считал «да» Петра решающим условием для появления нового главного героя на сцене мира. Все усилия Бога, Христа, направлены на то, чтобы породить Петра, человека, который своим «да» свидетельствовал бы о Нем миру, «я», которое могло бы «быть для» всех остальных. Без этого в истории не было бы милосердного человеческого лица. Цель Божественной инициативы заключается в порождении «я», способного являть Его присутствие – сегодня, как и тогда. Следовательно, у Церкви нет иной задачи, кроме как совершать то же самое, что совершал Бог на протяжении истории.

«Эта [наша] великая дружба, в которой осуществляется истина, проникнувшая в мир с тайной смерти и воскресения Господа, устремлена к миру. Судьба, глубинный замысел христианской общины – мир, “для людей” [говорит Джуссани]. Самозабвенное и полное любви посвящение людям и их судьбе, стремление внести в ход их обычной жизни, в которой люди страдают, надеются, пробуют, отрицают, ожидают конечный смысл вещей, внести туда факт Иисуса Христа – единственное спасение для человека. “Для людей” – исторически сложившаяся исчерпывающая причина существования христианской общины. Безусловная открытость миссии – гарантия истинности и подлинности самой жизни христианской общины: “За них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною”»¹⁶³.

Отец Джуссани выделяет два основополагающих фактора христианского «*бытия для мира*». «Во-первых, любовь к факту Иисуса Христа как единственный истинный мотив любого усилия и любого присутствия: “...сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам”». И во-вторых, «любовь к брату, посланному Отцом. Община в отношениях с людьми, которых она встре-

¹⁶² *Интервью с Его Святейшеством папой на покое Бенедиктом XVI на тему оправдания верой // Per mezzo della fede / A cura di Daniele Libanori. Cinisello Balsamo-Mi: San Paolo, 2016. P. 135–136.*

¹⁶³ H.U. von Balthasar, L. Giussani. *L'impegno del cristiano nel mondo*. Milano: Jaca Book, 1978. P. 167–168.

чает, руководствуется великим законом: дарить себя братьям, чтобы избавить их от любых лишений и сделать их способными надеяться лишь на спасение, исходящее от Бога. Историчность христианства, живущего миссией в мире, подтверждается благодаря поочередным вспышкам событий. <...> Однако на пути человека наших времен нельзя быть отголоском такого присутствия и местом такой встречи, такого глубинного освобождения от ограничений и от зла, если неустанно не *разделять* ситуацию нужды, в которой находится человек, поскольку в действительности в основании всякой нужды лежит обращение, зачастую неосознанное, к Богу, ставшему человеком, подобным нам, чтобы вырвать нас из власти нашего зла»¹⁶⁴.

«Глубокая причина любого нашего действия в обществе и любой попытки сообщения с миром – знание силы Иисуса Христа, – подводит итог отец Джуссани. – Однако причина эта, единственная и в высшей степени самобытная, становится очевидной только в свидетельстве пламенной любви к человеку, любви, исполненной принятия конкретной ситуации, в которой он находится и поэтому готовый к любому риску и к любым трудностям»¹⁶⁵.

Сегодня утром мы вспомнили о великом и долгом пути, который Богу пришлось прочертить во времени, чтобы породить «да» Петра, пути, пролежавшем от избрания Авраама до Христова пришествия сквозь непрестанные падения Его народа. «Бытие для», возникающее благодаря «да» Петра, убедительно и ярко объясняется в *Послании к Диогниту*. Представим себе Церковь первых веков, распространявшуюся по обширной Римской империи: «Христиане ни местом жительства, ни языком, ни обычаями не отличаются от прочих людей... населяя города эллинские и варварские, кому как довелось, и следуя обычаям соотечественников в одежде, пище и остальном быту, [они] показывают при этом удивительное и, по общему мнению, необъяснимое устройство своей внутренней жизни. <...> Короче говоря, что в теле душа, то в мире христиане. Как душа пребывает рассеянной по всем членам тела, так христиане – по городам мира»¹⁶⁶.

Первые христиане, как мы убедились, читая книгу «Зачем Церковь», живо сознавали, что в границах Римской империи являются – не по собственным заслугам и без каких-либо притязаний на превосходство – знаком, впускавшим в мир новизну Христа!

В 1991 году, всего спустя два года после падения Берлинской стены, тогда еще кардинал Ратцингер, остро ощущая эпохальный вызов, перед которым оказалась вера, говорил: «Что же надлежит делать Церкви или Церквям

¹⁶⁴ *Ibidem*. P. 168–170.

¹⁶⁵ *Ibidem*. P. 170.

¹⁶⁶ *Послание Диогниту*. П. 5, 6. Пер. А. С. Десницкого.

в подобном контексте? Я ответил бы, что они прежде всего должны наконец быть самими собой». Чтобы выполнить эту задачу, «Церковь должна быть готовой страдать, должна подготовить дорогу Божественному не с использованием рычагов власти, а в послушании Духу, не за счет эффективности своих институтов, а [обратите внимание!] через свидетельство, любовь, саму свою жизнь и страдания; так она поможет обществу обрести свой подлинный нравственный облик»¹⁶⁷. Поразительно! Разве не ну ту же самую задачу указывал и папа Франциск на встрече во Флоренции?

Джуссани всегда был нам отцом и продолжает сопровождать нас на пути все более осознанного опыта радости, которую мы не можем удержать для нас самих, которую хотим разделить со всеми нашими братьями:

«Свидетельствовать о вере – задача нашей жизни, – говорит он нам. – У христианина в жизни особая задача, которая связана не с определенной профессией, а с верой: со свидетельством о вере, со свидетельством о ней в рамках собственной жизни. Есть семья, есть работа, но “главная” задача – свидетельствовать о вере. Для этого мы были избраны. <...> Так мы выражаем нашу личность (не священников, не монахинь, не рабочих, не профессионалов своего дела, не отцов семейства, а христиан, чем бы мы ни занимались), утверждая, что спасение уже есть, и указывая на него, свидетельствуя о нем перед всеми»¹⁶⁸.

Вот, значит, с каких позиций христианин входит в отношения с кем и с чем угодно: «Только если нами всецело владеет любовь [приводящая жизнь к свершению, наполняющая нас до краев], только если мы признаем, что принадлежим любви Христа, исполненного мира, мы уподобимся детям, которые бесстрашно идут по темному лесу. Именно событие Христа творит новую культуру и полагает начало настоящей критике. Распознавание малого или великого блага, содержащегося во всех вещах, побуждает созидать новую цивилизацию и любить новое творение: так рождается новая культура – связующее звено между всеми существующими частицами блага – и стремление оживить их и привести их к осуществлению. Подчеркивается положительность, несмотря на ее ограниченность, а все остальное предается милосердию Отца»¹⁶⁹.

Есть ли что-либо более освобождающее и умиротворяющее, чем эта смиренная уверенность, в которой – источник положительного взгляда на всех и вся?

¹⁶⁷ J. Ratzinger. *Svolta per l'Europa. Chiesa e modernità nell'Europa dei rivolgimenti*. Cinisello Balsamo (Mi): Edizioni Paoline, 1992. P. 142, 144.

¹⁶⁸ Ср. Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. Указ. соч. С. 117.

¹⁶⁹ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 158–159.

Воскресенье, 1 мая, утро

На входе и выходе:

Николай Римский-Корсаков. Воскресная увертюра «Светлый праздник», ор. 36

Эрнест Ансерме – Оркестр романской Швейцарии

«Spirto Gentil» n. 29, Decca

Отец Пино. Когда мы просыпаемся по утрам, когда, возможно, чуть спешно готовимся – все вместе, как сейчас, или дома, с женой, мужем, детьми – произнести молитву «Ангел Господень», то есть внять ангельской веси, вести об исторической реальности, что через несколько часов вновь станет «семьей» в тысячах домов, давайте, чтобы избежать какой-либо поверхностности и формализма, вновь обращаться к тому, о чем нам напомнил вчера Хулиан, к простым вопросам отца Джуссани, заданным в ответ на возражения, которые порой рождаются и укрепляются в нас: «Почему вы возражаете? По поводу чего вы возражаете? Почему противопоставляете то, чего у вас якобы нет, тому, что у меня якобы есть? Почему, что такого есть у меня? У меня есть только это “да” и ничего другого, и вам оно не стоило бы ни на грош больше, чем мне».

Ангел Господень

Утренняя

■ СОБРАНИЕ

Давиде Проспери. Мы подошли к завершающему моменту наших упражнений и, как каждый год, проводим собрание, отталкиваясь от многочисленных вопросов, поступивших нам (естественно, нам пришлось выбрать лишь некоторые из них). Так начинается работа, которая продолжится в последующие недели и месяцы, на протяжении всего лета, и позволит нам вернуться к тому, что нам было предложено. В эти дни все мы на опыте пережили сделанное нам предложение, которое представляет собой нечто гораздо большее, нежели просто слова. И именно потому, что речь идет о настоящем опыте, позволю себе в моем кратком введении кратко, сжато выразить некоторые мысли, в том числе и лично-го характера.

Первое наблюдение связано с тем, что большинство ваших вопросов касалось содержания второй лекции. На мой взгляд, одно это уже о мно-

гом говорит, поскольку на первую лекцию у нас всегда больше времени, больше возможностей для работы. Значит, произошедшее нас действительно поразило, глубоко затронуло. Поэтому, прежде чем начать отвечать на вопросы, я бы хотел попробовать высказать свои соображения о том, почему мы остались под таким впечатлением. Первое, что бросается в глаза, – огромное, преобладающее чувство благодарности. И дело не только в глубоких и полезных размышлениях, которые неотрывно связаны с интересующими нас и кажущимися нам важными вопросами, связанными в том числе и с настоящим положением Церкви. Рискну предположить, что главная причина заключается в том, какое невероятное путешествие мы совершили к сердцу Бога и как вместе открыли то, что каждый из нас, возможно, неосознанно, ощущает надеждой всей жизни: у нас есть Судьба, лик которой целиком и полностью обусловлен милосердным взглядом на наше ничто. Это умиротворение, дарованное детям, и оно уже соответствует нашему опыту, ведь если мы находимся здесь более или менее сознательно, то лишь потому, что Судьба достигла нас именно в таком взгляде. Поэтому-то она убедила нас и окончательно привязала к себе. И все это досталось нам даром, без какой-либо заслуги с нашей стороны – во всяком случае я этого не заслужил.

Конечно же, многие вопросы касались темы милосердия и, в частности, отношения милосердия и справедливости, которое мы отдельно рассмотрим чуть позже. Но у этого факта есть и обратная сторона, потому что он свидетельствует – уж простите за прямоту – о том, как нам сложно следовать, насколько мы еще привязаны к собственным мыслям. Наш образ справедливости по сути такой же, как и у всех остальных: она представляется нам в виде своеобразных весов. И вот в дни упражнений нам предложили исходить из опыта, а не из идеи. Если же мы посмотрим на наш опыт и учтем все, что услышали, то, как ни странно, должны будем назвать метод Бога «несправедливым». Можно ли с человеческой точки зрения вообразить большую несправедливость, нежели Отчее предпочтение? Именно в нем причина ненависти со стороны мира. Мы стали объектом этого предпочтения, были избраны, чтобы жить в мире, подобно Ему. Есть ли что-либо более истинное? И как правильнее поступить: предпочесть Того, Кто настолько предпочитает нас, или же оставаться в плену у наших идей о справедливости? Как же замечательно вновь ощутить радость следования, следования за нашей историей, которая, как ничто другое, помогает нам понимать, в чем заключается наша задача в мире. Поэтому перейдем к вопросам.

«Почему кажется столь невероятным, что некое частное событие может быть спасительным для человека?»

Хулиан Каррон. Как раз из-за того, о чем ты сейчас говорил: мы забываем, что понимание всегда начинается в опыте, который представляет собой самый простой – и, по правде сказать, единственный – путь к его достижению. Тайна устроила вещи очень хорошо, и, чтобы мы могли проникнуть в смысл всего существующего, она, как я часто вам напоминаю, не читает нам лекций, а позволяет происходить событиям. Отец Джуссани, который широко раскрытыми глазами следил за тем, как Тайна творит мир, часто повторял нам, что «реальность становится очевидной в опыте»¹⁷⁰. Чтобы мы поняли суть любви, Бог не устраивает нам теоретическое занятие, а дает родиться в том месте, где мы можем пережить ее на опыте, – в семье. Мы входим в реальность любви, когда из опыта узнаем, что любимы. Со временем Он позволяет нам влюбиться или встретить друзей. И хотя именно по такому пути мы двигались с самого рождения, нам сложно (и в этом причина одной из самых ожесточенных битв, которые отцу Джуссани пришлось вести с нами) *по-настоящему* переживать опыт. Мы с легкостью сводим его к сентиментальности, к ощущению, пусть даже настоящему, но мимолетному. В действительности же – и отец Джуссани говорил нам об этом с самого начала – не существует опыта, если мы не осознаем, что с нами случается, и потому не замечаем, как растем.

Все мы так или иначе погружены в отношения и обстоятельства, вовлечены во множество ситуаций, благодаря чему приобретаем некий жизненный опыт. Однако, этот опыт не станет полноценным, если не будет чего-то еще, если мы не осознаем происходящие с нами события настолько, что они начнут определять наш взгляд на мир, влиять на ход наших мыслей и менять его. Вот в чем смысл фразы Жана Гитона, которую мы часто цитируем: «“Разумным” именуется тот, кто подчиняет собственный разум опыту»¹⁷¹. И это, друзья мои, работа, и, как ни жаль вас расстраивать, я не могу вас от нее освободить, каждый должен проделать ее самостоятельно, а иначе пережитое не оставит в вас и следа и не позволит вырасти над собой. Именно в свете этой работы, мы сможем понять слова отца Джуссани, которые он сказал в начале рассказа о «да» Петра и которые потрясли меня до глубины души: частный случай есть краеугольный камень христианского представления о человеке и о его моральных принципах. Посмотрим на наш опыт: разве не то же произошло и с нами? Частный случай, одна конкретная встреча изменили нашу жизнь.

¹⁷⁰ L. Giussani. *Dal temperamento un metodo*. Milano: Bur, 2002. P. 143.

¹⁷¹ J. Guitton. *Arte nuova di pensare*. Cinisello Balsamo (Mi): Edizioni Paoline, 1991. P. 71.

Если бы нас спросили, что сыграло решающую роль в нашей жизни, в нашем спасении, каждый из присутствующих здесь должен был бы ответить: «определенное событие, встреча». Однако, поскольку мы не до конца осознаем это, то и нам кажется «невероятным», что частный случай может оказаться спасительным для человека. Мы не отдавали себе отчета в том, что именно частный случай спас нас, мы не обратили внимания на познавательную важность произошедшей с нами встречи. Тот, кто осознает, начинает понимать. Благодаря опыту, переживаемому в настоящем, я могу понять, почему Бог поступал в отношениях с человеком определенным образом, о котором мы говорили в эти дни. Иными словами, именно в силу частного случая, что произошел с нами, конкретного и решающего, мы можем осознать всю важность Божьего замысла.

В нашем распоряжении были целые библиотеки, бесконечная череда великих открытий (добавьте сюда все, что хотите), но нашу жизнь изменила отдельно взятая история. Почему Бог избрал такой метод? Почему Он не поступил как-то иначе? Вот что поражает. Почему Он не избавил нас от необходимости проделать жизненный путь и не сотворил нас непосредственно в жизни вечной? Потому что в этом случае наше спасение не было бы свободным. Кто-то из вас согласился бы на несвободное спасение? Видите, как у нас возникают вопросы, помогающие понять, почему Бог в отношении с человеком ведет Себя определенным образом. Он хочет для нас свободного спасения, о котором говорил Пеги (мы уже цитировали его слова, и они всегда будут для нас призывом): «Этой свободе... Я пожертвовал всем, говорит Бог, / Этому желанию быть любимыми свободными людьми, / Свободно»¹⁷².

Разве кому-то из вас хотелось бы, чтобы его любили по принуждению? У Бога со вкусом не хуже, чем у нас, и Ему нравится быть свободно любимым свободными людьми. Но к свободной любви людей есть только один путь: он пролегает через предпочтение, через любовь к каждому отдельному человеку, через вызов, бросаемый свободе каждого в его личной истории. Как мы видели, это поражало всех, начиная с учеников: «Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?» – спрашивали они у Иисуса. Бенедикт XVI распространил вопрос: «Почему Ты при всем могуществе не выступил против Твоих врагов, приведших Тебя на Крест? Почему Ты не явил Себя им с неопровержимой силой, не показал, что Ты жив?» В глубине души мы и сами так думаем: «Почему Ты не предстал перед нами во всей Твоей власти?» У Бога для этого были все возможности. Мы полагаем, что ничего не можем навязать дру-

¹⁷² См. сн. 11.

гим, поскольку у нас нет соответствующих возможностей, в противном случае... У Бога возможности были! Но Он ими не воспользовался, Он не стал нам навязываться. Что же, выходит, Он не любил нас? Не желал блага мира? Не желал блага людей? Наоборот, именно ради бесконечной любви к человеку и к его свободе Бог действует так и не иначе. «Тайна Божия состоит в том, что Он действует очень тихо и неприметно... постепенно...» – повторили мы за Бенедиктом XVI. «Не это ли подлинно Божественный способ? Не подавлять внешней силой, но давать свободу и пробуждать»¹⁷³, то есть порождать творение, которое любит Его свободно.

Давайте помогать друг другу, чтобы в нас возросло желание любить Христа свободно, ради радости любить Его здесь и сейчас: «Еще несколько минут назад я ошибался, но сейчас – сейчас! – говорю Тебе со всей любовью, на какую я только способен, со всей свободой: “Ты, о Христе”». Эти слова стоят дороже любых наших формальных действий, потому что фраза «Ты, о Христе» есть выражение свободы. А свободное «я», любящее свободно, пробуждается только благодаря конкретному событию. Вот почему Бог всегда начинал отношения с человеком именно с него. Нам такой метод кажется недостаточным, слишком ненадежным, но разве не в этом Его величие?¹⁷⁴ Разве таким образом Бог не показывает, что уверен в Своем замысле о нас и что любит нас безусловно? Он ждет нас, ждет нас всегда, позволяя нам прийти к Нему свободно.

Проспери. «Мог бы ты лучше объяснить, почему без Присутствия нет нравственного действия?»

Каррон. Мы уже говорили об этом. Приведем несколько примеров из повседневной жизни. Подумайте о ваших детях, об отношениях матери и ребенка. Без присутствия матери ребенок постоянно идет на поводу у своих капризов. Что позволяет постепенно проявиться его «я», что помогает ему прилепиться к бытию (а ведь именно в этом и состоит нравственность)? Присутствие матери. Первое доказательство нравственности ребенка – его привязанность к матери. А через отношение с ней в нем развивается и привязанность к реальности, любовь к бытию, нравственность. Глубинная, утробная любовь матери пробуждает в ребенке извечную спо-

¹⁷³ См. сн. 9.

¹⁷⁴ «Не является ли кажущееся малое, если мы хорошо подумаем, поистине великим?» (Й. Ратцингер – Бенедикт XVI. *Иисус из Назарета. От Входа в Иерусалим до Воскресения*. М.: Изд-во францисканцев. С.196).

способность утверждать бытие. Достаточно приглядеться к тому, как возникает нравственность в ваших детях, чтобы понять, что никакая проповедь и никакие моралистические воззвания не заменят глубинной любви матери, то есть присутствия. Нравственность порождается присутствием, именно оно разбивает нашу скорлупу и выводит нас из замкнутости, из нашего индивидуализма, избавляя от ощущения, будто мы являемся хозяевами реальности. Влюбляясь, человек вынужден вновь прилепиться к бытию. Он оказывается перед присутствием столь притягательным, что неизбежно прирастает к нему, а потом и ко всему вокруг. Когда Бог захотел протянуть человеку руку, Он прибегнул к тому же самому методу, который каждый из нас – будучи ребенком или влюбившись – признал сообразным. Он избрал единственный метод, понятный человеку. И что же сделал Бог? Воплотился, чтобы пробудить нашу любовь к Себе и таким образом породить в нас нравственность. Именно поэтому столь важна история Петра.

Никакой другой пример не объяснит нам лучше суть нравственности. Петр словно являет собой любого человека, столь порывистым он был, столь много ошибался, столь часто действовал импульсивно. Но его недостатки не стали для него помехой, ведь он был насквозь пронизан Присутствием, к которому прирастал все больше и больше. Без этого Присутствия Петр оказался бы во власти своих прихотей, как случается и с нами. Отец Джуссани, прекрасно разбиравшийся в человеческой природе, знавший, как мы устроены, уловил важность личной истории Петра и рассказал о ней нам. Подлинная нравственность, совершенная привязанность к бытию возможны лишь благодаря Присутствию, которое оказывает нам предпочтение и таким образом пробуждает в нас всю нашу способность к любви. Нравственная проблема касается именно способности к любви, то есть способности прирастать к присутствию, порожденной самим этим присутствием (как в примере матери и ребенка). Поэтому-то отец Джуссани утверждает, что без присутствия Христа «да» Петра не приживается в почве человеческого сердца. Понять это крайне важно: мы продвигаемся вперед по пути нравственности не за счет наших намерений, или наших упреков в собственный адрес, или нашего гнева, а только возвращаясь к Присутствию. В противном случае, даже если опыт говорит нам о чем-то другом, мы подчиняемся всеобщему менталитету и полагаем, что быстрее достигнем нравственности, следуя за миром и его указаниями, словно опыт, пережитый в отношении с Иисусом не научил нас никакому новому методу.

Вот почему нам стоит возвращаться к страницам, которые отец Джуссани посвятил «да» Петра, пока их содержание не станет нашим, то есть

вплоть до жизни вечной! Мы постигнем их смысл в полной мере, лишь когда окончательно соединимся с Ним. Нам необходимо постоянно вновь начинать с них, чтобы не впасть в неизменно подстерегающее нас искушение и не сказать: «Ну да, все это я знаю, но в сложившихся обстоятельствах...» Что может быть проще примера матери и ребенка, суть которого совершенным образом воплощается во Христе? Его присутствие столь притягательно, оно обладает столь глубокой притягательностью, что не может не пробудить в нас всю нашу любовь. Это так просто! Но и от нас требуется простота! Часто же нам кажется, будто все это, хоть и прекрасно, не достаточно, не действительно в условиях нашей жизни, и в итоге мы начинаем думать, как остальные, и доверяемся обманчивым решениям, предложенным другими.

Проспери. Следующий вопрос связан с тем, что ты сейчас сказал. «Говорить: “Да, Господи, я люблю Тебя”, – легко, когда вопрос исходит от того, кто обладает несравненными чертами Иисуса. Если же он возникает в трудных обстоятельствах или перед лицом неприятных тебе людей, ответ не рождается так же быстро. Как тогда понимать, что нашего “да” достаточно? Кто сегодня спрашивает меня: “Любишь ли ты Меня?”»

Каррон. Иисус! Вопрос: «Любишь ли ты Меня?» – всегда задает Иисус. Все остальное неважно. «Любишь ли ты Меня сейчас?» – всегда спрашивает Иисус. Вспомним, о чем рассказал наш друг, сидящий в тюрьме. Его раздевают донага, с ним обращаются не по-человечески, и в таких обстоятельствах именно пробудившаяся в нем любовь к Иисусу позволяет ему смотреть на происходящее с положительной точки зрения. Все в нем отмечено взглядом Иисуса на него, и потому он сам обращает нежный взгляд на тех, кто его окружает, и говорит да Христу. «Любишь ли ты Меня?» – «Да». Если это не так, когда другие плохо с нами обращаются, значит это всегда не так. Конечно, отсюда не следует, что, если подобное однажды с нами произошло, значит, все должны обращаться с нами так же. Мы не желаем себе, чтобы другие обращались с нами плохо, однако необходимо признать: тот, кого достигло Христово объятие и кто принял Его, способен смотреть взглядом, полным нежности, даже на людей, причиняющих ему зло. И в соответствии с замыслом, которого мы не знаем, не ведаем, других может поразить то, как ведет себя с ними человек, чью личность определяет присутствие Иисуса. Мы, вполне вероятно, этому не верим, но тем не менее это так.

Что больше всего помогает нам по-настоящему любить Христа, а потому и других? Место, принадлежность к месту, где нас этому учат.

Христианская компания, Движение, существует ради этого. Показательно то, как отец Джуссани говорит о группах Братства. «Как люди собираются вместе, чтобы образовать группу Братства? Я всегда говорил, что критерий связан с помощью в переживании опыта веры, который мы получаем в Движении». Совсем не обязательно такая помощь действеннее в условиях близких отношений или там, где «фактор человеческой притягательности превосходит призыв к идеалу (например, привязанность или некая выгода)». Более того, с точки зрения эффективности, это может пойти нам во вред. «Вот почему, – продолжает отец Джуссани, – целесообразнее выстраивать близкие отношения не по принципу притягательности или выгоды, а как соседство людей, которые видят в своей общности некую школу – школу любви к другому, школу, где можно научиться любить другого, научиться жить в компании, ведущей нас к судьбе, чтобы, научаясь там [с теми людьми], возвращаться туда, где преобладает естественная притягательность (например, в семье!), или где мы сталкиваемся с постоянным неприятием и сухостью в отношениях (например, в семье!) [или на работе], и учиться смотреть на других иначе, не останавливаясь на симпатии и преодолевая антипатию»¹⁷⁵.

Если бы не было места, в котором нас вновь и вновь призывают любить друг друга таким образом, признавая, что мы вместе не просто по плоти и крови, не из одной лишь естественной симпатии или антипатии, а из-за Того, Кто сделал нас одним целым, то мы не смогли бы отправиться куда-то еще и любить остальных людей иначе. Результат (который никогда не достигается машинально) пребывания в этой среде состоит в том, что «потом [подчеркивает отец Джуссани] первым местом, где человек действительно живет любовью, становится его семья, жена или муж». Однако это следствие, случающееся «потом». Для этого «нужен определенный путь. Правило заключается в том, что компания собирается с единственной целью, и потому в нее могут входить люди, которые раньше ни разу не встречались. Более того, если цель ясна, первоначальная отчужденность со временем облегчает работу. Напротив, уже устоявшиеся знакомства, уже возникшая симпатия, уже существующая дружба помогают нам со всей искренностью собраться вместе ради этой цели, однако с точки зрения эффективности тут есть свои минусы, о которых я сказал ранее в связи с семьей. Поэтому выбор группы Братства сродни тому, как человек идет в монастырь. Почему человек идет в монастырь? Не ради рясы или большего спокойствия, не потому, что ему нравится

¹⁷⁵ L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. Cinisello Balsamo (Mi): San Paolo, 2002. P. 167–168.

учиться или вести благочестивую жизнь, не потому, что ему нравится молиться или слушать пение, не из-за теплого местечка на старость. Нет, он идет туда не по этим причинам. Человек идет в монастырь, поскольку хочет быть в компании, и он выбирает компанию, которая помогает ему по-настоящему любить Христа, жить принадлежностью Христу и свидетельствовать о нем миру. Он либо идет в монастырь ради этого, либо совершает ошибку. Человек может и ошибаться. Он может пойти в монастырь по ошибке и исправить ее, находясь там»¹⁷⁶.

Если мы вместе по таким причинам, и для нас возможно то, что случилось с нашим другом, сидящим в тюрьме, который начал любить людей, когда о симпатии и речи не шло. Наше Братство есть место, учащее нас переживать все иначе, даже отношения в семье, с друзьями или незнакомцами.

Проспери. А теперь несколько вопросов, касающихся отношения между милосердием и справедливостью. «Как соотносятся милосердие и суждение? Простить – значит на все закрыть глаза?» «Как согласовать милосердие с потребностью в справедливости?» «Как связаны наша потребность в справедливости и милосердие? Может ли милосердие стать основанием гражданского общества?»

Каррон. Истина – понятие не относительное. Милосердие не затмевает суждение и не является альтернативой ему. Поэтому не надо думать, будто все одинаково. Мы сразу признаем: что-то нам соответствует или не соответствует – это объективный факт. Безусловно, можно удовлетворяться меньшим, можно скрыть наши подлинные желания, но это никогда не будет по-настоящему нам соответствовать. Истина есть истина. Все мы знаем, когда делаем то, что нам соответствует или не соответствует. Если мы вынесли суждение, если признали, каково положение дел, вопрос заключается в том, что приводит нас в движение, что дает возможность нового начала, возвращения на путь, изменения. Приведу два примера.

В школе, которую я возглавлял в Мадриде, был один ученик, который совсем не занимался. Он был моим другом и, как я, участвовал в жизни Движения. Поскольку многочисленные попытки вразумить его ни к чему не привели и он уже давно перешел все мыслимые и немыслимые границы, нужно было принимать какое-то решение. Другие преподаватели внимательно следили за тем, как я себя вел по отношению к нему. «Вот увидите, – говорили они друг другу, – мальчик-то из Движения, ничего

¹⁷⁶ *Ibidem.* P. 168–169.

Каррон с ним не сделает», – как будто я во имя нашей принадлежности общине должен был априори закрыть глаза на все безобразия, которые вытворял мой ученик. Как бы не так! Я исключил его из школы.

Я смог принять такое решение в отношении моего друга из Движения только благодаря связи, сложившейся между нами, связи способной выдержать любые дисциплинарные меры. Знаете, что всех поразило, чему удивились больше всего? Этот мальчик перешел в соседнюю школу, но на перемене он приходил к нам и проводил время с нами – после того, как его отчислили! Действовать милосердно не значит закрывать глаза на проступки, однако в то же время твое отношение к людям не определяется совершёнными ими ошибками. Мы можем свободно высказываться друг перед другом, поскольку есть нечто более важное, есть некая связь, которая лежит за пределами наших ошибок. Отсюда не следует, что, раз мы друзья, живущие глубокой взаимной привязанностью, для нас все едино. Нет, в таком случае речь не шла бы ни о дружбе, ни любви к судьбе наших друзей. Порой мы говорим другим вещи, которые им не по душе, но это не препятствует отношениям, позволяющим каждому проделывать свой путь, чтобы достичь цели. Тот мой ученик, на которого никто и гроша бы не поставил, окончил университет благодаря уважению, проявленному к нему, несмотря на его ошибки. Поэтому-то иногда необходимо принимать непростые решения (как мое решение об исключении его из школы), свидетельствующие о том, насколько нам дорога судьба другого человека.

Хочу привести вам еще один пример этой глубинной связи, которая может возникнуть между людьми на уровне общественных отношений. Хулиан де ла Морена рассказал мне, что в Бразилии существует особый вид тюрем: там нет надзирателей и оружия, управление осуществляется благодаря сотрудничеству работников учреждения и заключенных. Попасть в такую тюрьму может любой осужденный с любым типом наказания, в том числе и со сроками в двадцать пять, тридцать и более лет. Опыт показывает, что, если четко следовать методу, можно реабилитировать любого человека, независимо от совершенного им преступления. Судья, ответственный за судебный округ Итауна, где находится одна из этих тюрем, рассказывает: «Я помню заключенного, попавшего в такое исправительное учреждение. Его приговорили к сорока годам за противоправные действия, совершенные в разных судебных округах. В Итауна он попал за нарушение закона на моей территории. Этот человек, молодой и полный сил, умудрялся сбегать из всех тюрем, в которые его помещали ранее. В Итауне он сидел уже два года и за это время не предпринял попыток побега. Один судебный журналист приехал туда, чтобы сделать

репортаж, и спросил его: “Хосе [так его зовут], ты сбегал из любых тюрем, хотя везде были надзиратели. А отсюда [где нет вооруженных охранников] ты не бежишь. Почему?” Хосе выдал один из самых точных ответов, какие мне только доводилось слышать: “От любви не бегут”¹⁷⁷.

Проспери. Жан Вальжан!¹⁷⁸

«Когда речь идет об отношениях отцов и детей, наше понимание свободы часто ограничено, особенно, если мы, взрослые, уверены, что дети ошибаются. Из того, что ты говорил сегодня, становится ясно, насколько иначе Бог относится к нам и к нашей свободе. Тогда что же значит воспитывать и не уходить при этом от ответственности? Что помогает нам смотреть на свободу другого так же, как Бог смотрит на нашу свободу?»

Каррон. Мы все задаемся этими вопросами. Я с ними столкнулся, когда преподавал в Мадриде. В чем заключалась моя ответственность перед ребятами? Нужно ли было загнать их в определенные рамки или же стоило позволить им действовать? Решить эту проблему не просто, поскольку в большинстве случаев одно не исключает другое: предоставить свободу не значит пустить все на самотек. Признаюсь, я испытал облегчение, осознав, что Бог уже дал ответ. Что Он сделал, столкнувшись со схожей проблемой? Как Ему удалось предоставить нам свободу и в то же время подтолкнуть нас к Его признанию? Он стал присутствием. Чтобы решить проблему, Он воплотился. Кому-то это покажется недостаточным, но Бог поступил именно так, и Его поступок до конца жизни будет для нас вызовом. Все началось с Божьего метода, с Его тихого и неприметного стиля.

Поэтому воспитывать – значит ставить другого перед определенным присутствием, без которого нет воспитания, которое способно привлечь другого, привести в движение глубины его души. Такое присутствие ни на что не закрывает глаза и не теряет к человеку интереса. Мы заблуждаемся, если думаем, будто можно воспитывать, не присутствуя, не вовлекаясь в процесс всем нашим существом, используя метод, не предполагающий нашего участия! Только входя в личные отношения с другим человеком, мы сможем стать для него присутствием, способным его завоевать, то есть пробудить в нем желание свободно участвовать в том, что

¹⁷⁷ Из интервью с Паулу Антонио де Карвалью, данного в рамках подготовки выставки о деятельности бразильской Ассоциации по предоставлению защиты и помощи заключенным (АРАС), которая будет представлена в августе 2016 г. на Митинге в Римини.

¹⁷⁸ Один из главных героев романа Виктора Гюго «Отверженные».

мы предлагаем. Так происходит в отношениях с детьми, со студентами, со всеми, и, в первую очередь, так произошло с нами. Чтобы ответить на поставленные вопросы, не нужно теряться в теориях, достаточно спросить: а что помогает нам? И проверить, прибегаете ли вы в отношениях с детьми к тому, в чем сами находите помощь. Возможно, тогда мы начнем понимать, почему Бог использует определенный метод. Отец Джуссани говорил нам: гипотеза, идеал воплощены в свидетеле (воспитателе), поскольку воспитание есть сообщение самих себя, собственного способа отношения с реальностью¹⁷⁹.

Недавно одна мама рассказала мне, как пыталась пристроить куда-нибудь детей, чтобы поехать на каникулы общины. Ее десятилетний сын, выслушав ее доводы, ответил: «Нет, нет и нет! Я тоже хочу на каникулы!» Что такого он увидел, почему ему не хотелось пропускать каникулы? Так заинтересовать способна лишь всепобеждающая притягательность. Иначе невозможно пробудить подобное желание. Мы уже говорили: не существует нравственности, не существует привязанности вне нашего ответа определенному присутствию. Ничто другое не способно привести в движение человеческую свободу. Притягательность имеет основополагающее значение для появления привязанности. Кроме того, необходимо постоянно напоминать нашим детям о имеющемся у них внутреннем *детекторе* (с которым Тайна поместила нас в мир, Тайна – не мы сами!), позволяющем определять, что нам соответствует, а что нет. Детектор этот – сердце, исходный опыт. Мы, взрослые, должны всегда призывать их использовать сердце как *детектор*. До поры до времени они могут следовать за вами, однако, если вы не приучите их с детства использовать их врожденную способность распознавать истину, если не будете призывать их к обнаружению в себе такой способности, если не воспитаете в них привычку выносить суждение, то, повзрослев, они легко будут попадать во власть первого встречного. Не научив их выносить суждение, мы неизбежно столкнемся с последствиями, ведь они вырастут и должны будут сами совершить проверку.

Проспери. «Ты сказал, что в Симоне господствовало изумление перед симпатией и предпочтением Иисуса, что оно было важнее всех его ошибок. Объясни, что такое эта симпатия».

«Ты говорил о привязанности ко Христу. Как она рождается? Как мы можем привязаться ко Христу сегодня? Как можно любить того, кого не видишь? Значит ли это, что нужно быть привязанными к знакам, что мы учимся любить Христа, любя людей и знаки?»

¹⁷⁹ Ср. L. Giussani. Viterbo 1977 // *Il rischio educativo*. Op. cit. P. 84.

Каррон. Одна из самых прекрасных вещей, которые я прочитал вчера из отца Джуссани, связана как раз с этим вопросом. «У этого человека, Иисуса, имеется одна очень простая человеческая характеристика: Он вызывает человеческую *симпатию*. И поэтому нравственность, то есть победа над нигилизмом, заключается не в том, чтобы не ошибаться, чтобы не допускать промахи, а чтобы, даже допуская промахи, ошибаясь, на вопрос “Симон, любишь ли ты Меня” отвечать “Да, Господи, я люблю Тебя”. Я тут, я остаюсь верным человеческой симпатии, которая исходит от Тебя, Иисус из Назарета, я тут»¹⁸⁰. Христос есть присутствие, притягательное, пробуждающее любовь, способное увлечь за собой всю нашу симпатию. Чем мы были привлечены во встрече? Чтобы ответить, каждый должен вернуться к тому, что с нами произошло. Чем ты был привлечен? Что привлекло тебя в самом начале и потом, на пути, вплоть до настоящего момента, что продолжает привлекать тебя? Это была и всегда будет благодать, нечто предшествующее твоей инициативе. Отец Джуссани напоминал нам: изначальный феномен, к которому мы были привлечены когда-то и остаемся привлечены до сих пор, есть нечто «предшествующее», столкновение с инаковым присутствием, не нами сотворенным, соответствующим ожиданию, образующему наше сердце¹⁸¹. Инициатива Бога неизменно предваряет любую нашу инициативу. Как в нас рождается привязанность ко Христу? Она рождается от симпатии, которую Христос вызывает в нас.

Опыт Петра свидетельствует о том, как рождается привязанность ко Христу, он выявляет ее истоки и верен для любого человека, независимо от характера. В Петре привязанность к Иисусу рождается потому, что он оказывается перед Присутствием, увлекающим за собой все его существо. Он ошибается и начинает вновь, ошибается раз за разом, но не может не начинать вновь. Совершая миллион ошибок, он никогда не уходит прочь. Привязанность рождается в следовании за симпатией. Так же возникает и нравственность. Нравственность предельно проста: нужно держаться симпатии, человеческой симпатии сродни той, что испытывает мать к сыну, а сын к матери. Нужно всего лишь держаться этой симпатии, следовать за ней. Проще не придумаешь. И тем не менее у нас есть возражения: «Мы всегда об этом говорим!» – словно пора уже перейти к чему-то более существенному. Или же: «Все это, конечно, замечательно, но ведь мы не находимся перед Иисусом, как Петр». Однако

¹⁸⁰ См. сн. 130.

¹⁸¹ Cp. L. Giussani. Qualcosa che viene prima // *Dalla fede il metodo*. Tracce-Quaderni 2. Suppl. a *Tracce-Litterae communionis*. Aprile. 1994. P. 39.

второе возражение, прозвучавшее в последнем вопросе, касается другой проблемы – проблемы веры. Мы не признаем Христа, присутствующего во всем, что Он творит перед нашим взором. Я могу понять, почему мы возражаем, но мы находимся перед Иисусом точно так же, как находился Петр, мы по сравнению с ним не второй дивизион. Проблема в том, что часто мы Его не узнаем.

Петр стал свидетелем огромного числа чудес, приводивших его в изумление. Но мы их видели не меньше. Разве Христос не являет Свое присутствие среди нас во всех тех ярчайших фактах, о которых мы рассказываем друг другу, стоит нам только собраться вместе? Если бы мы только осознали это, нам стало бы ясно, что упрек Иисуса в адрес людей, живших у озера и лицезревших множество чудес, просто ничто по сравнению с тем, в чем Он может упрекнуть нас. Если разобраться, жители тех селений почти ничего не видели по сравнению с тем, что мы наблюдаем непрерывно¹⁸². Иисус не где-то на облаках, Он присутствует прямо перед нами! Мы неоднократно убеждались в этом в последние месяцы на школе общины: факты и свидетельства, к которым мы причастны, множеством разнообразных способов являют нам Иисуса в действии – Иисуса, а не какого-то Его двойника. То, что мы видим и о чем рассказываем, нельзя объяснить иначе, чем присутствием Христа, и именно таким образом Он все больше привязывает нас к Себе. Но Его необходимо признавать, чего мы, к сожалению, часто не делаем.

Вот почему перед Рождеством я написал статью¹⁸³, где рассказал о человеке из Пакистана, для которого важность наших действий оказалась очевиднее, нежели для нас. К нему отнеслись по-человечески, и он заплакал, а мы говорим: «Ну, это уж слишком». Проблема в том, что нередко мы умаляем происходящее на наших глазах и утверждаем, будто не находимся перед присутствием Христа. И я это понимаю! В подобных случаях наши действия превращаются в волюнтаризм. Однако причина не в отсутствии Присутствия, а в его непризнании. И потому в нас не рождается нравственность, ведь без Присутствия не существует нравственного действия. Если мы не прирастаем ко Христу, то не потому, что Его нет, а потому, что мы не признаем Его. Попробуем помочь друг другу признавать Его, и мы увидим: Он присутствует гораздо больше, чем мы думаем. Христос присутствует в реальности, в знаках, в кото-

¹⁸² «Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретнице и пепле покаялись» (Мф. 11, 21).

¹⁸³ См. Х. Каррон. Письмо в газету *Corriere della Sera*, 23 декабря 2015 г. http://ru.cdonline.org/default.asp?id=440&id_n=20251.

рых Он достигает нас и с помощью которых нас притягивает. Давайте поможем друг другу честно смотреть на исключительные факты, случаемся с нами, чтобы нам было легче признавать Его в действии и чтобы наша просьба о Его признании становилась все более постоянной, ведь вера возрастает, когда мы признаем Его, а не когда размышляем, не когда погружаемся в наши мысли. Необходимо признавать Его в реальности.

Проспери. Следующий вопрос затрагивает отношение между нравственностью и делами. «Ты говорил, что для настоящей нравственности цифры не важны, что для нее нет никакой мерки. Но нравственности связана с действием. Если мне нужно решить, продолжать ли функционирование какой-то школы, принять ли мигранта, взять ли человека на работу, я вынужден смотреть на цифры. Не возникает ли тут разделения на два уровня: «сущностный», не знающий меры, и практический, опирающийся на цифры; на уровень личный и уровень гражданского выбора, работы, общества и так далее? Какова связь между моим «да», сказанным в признании оказанного мне милосердия, и делами милосердия для души и тела, к которым призывают нас Церковь и папа? Как не превратить их в морализм?»

Каррон. Хотите пример путаницы? Вот он! Однажды я поехал в Бразилию, где встретился с людьми, ответственными за одно дело, которые рассказали, что им трудно продолжать из-за отсутствия ресурсов, необходимых для обеспечения тех, кого они принимали. Изначально они решили принимать всех без исключения, поскольку их самих когда-то приняли, а потому и им надлежало поступать так же с другими. В результате их дело затрещало по швам. Нас всех приняли, но это не означает, что мы располагаем средствами, инструментами и ресурсами, чтобы продвигать определенные инициативы в попытке принять всех. Мы первыми должны проявлять послушание реальности. Папа отправился на Лесбос, но не привез оттуда всех беженцев, которых встретил. У Иисуса была власть исцелить всех, но Он этого не сделал, Он не исцелил всех больных своего времени. Следует ли отсюда, что Он не любил всех? Христос любит всех, но любит согласно замыслу, Ему не принадлежащему, и потому Он подчиняется замыслу Отца. Он мог бы пойти в Рим или в другие места, но нет, Он оставался послушным и через это послушание Его присутствие постепенно распространилось по всему миру.

Поэтому-то цифры не имеют значения, даже когда речь идет о наших грехах, ведь мы всегда заключены в Его объятия, и это постоянно приводит нас в движение, позволяя совершать то, что мы можем совершить,

согласно замыслу, не принадлежащему нам. Таково послушание. Милосердие не моралистическое действие, а плод, приносимый в нас милосердным объятием Христа. Наш друг заключенный, ощутив на себе милосердный взгляд друзей, стал так же милосердно смотреть на тех, кто плохо с ним обращался. Как говорил нам отец Джуссани, взволнованные отношением к нам Бога, мы сами можем начать подражать Ему, не впадая в морализм.

Проспери. «Нам казалось, что мы поняли или по крайней мере начали догадываться, о чем шла речь в обеих лекциях, пока ты не произнес последнюю фразу о миссии, связанную с размышлениями Бенедикта XVI о том, какого сознания достигла Церковь в отношении спасения, возможного даже для нехристиан. Ты спросил, зачем тогда предлагать христианский опыт, и твой вопрос стал для нас вызовом. Мы просим тебя подробнее на нем остановиться».

«Достаточно ли жить радостью от встречи со Христом, чтобы быть миссионерами или же необходимо что-то еще?»

«Как понимать, что задача христиан состоит в “*бытии для*”?»

Каррон. В интервью Бенедикта XVI поражает прежде всего сознание, которое он выражает с присущей ему ясностью: после Второго Ватиканского собора Церковь окончательно отошла от убеждения в том, что некрещенные не могут спастись и навеки осуждены. Иными словами, исторические факты (реформа Лютера и эпоха великих открытий) помогли ей глубже понять природу христианства. Сегодня, в новой для нас ситуации, мы также призваны ко все более серьезному постижению природы христианства и нашей задачи в мире. У нас сейчас нет возможности объяснить все досконально, и нужно будет еще раз к этому вернуться, однако мы уже наметили важные пункты, и необходимо иметь их в виду, если мы хотим разобраться в том, какова наша задача в мире. Чтобы ответить, следует в первую очередь спросить самих себя, чего мы хотим. Почему мы ощущаем неотложную потребность передавать другим то, чем мы живем? Что я могу сообщить им как благо для них? Становится ли моя жизнь более человеческой благодаря опыту веры, благодаря опыту свободного отношения со Христом? Если моему другу, или ребенку, или коллеге трудно, а я в силу полученной благодати чувствую, что могу предложить им в помощь мой опыт, испытываю ли я острое желание поделиться им, пусть даже другой человек может спастись в любом случае? Соответствие, которое я уловил, благо, которое Христос даровал мне и которое полностью обновляет и делает иной мою жизнь, вызывают во мне лишь одно желание: разделить с другими то, что я сам получил.

Когда несколько недель назад я был в Вильнюсе, один наш православный друг сказал: «Знаете, что больше всего поразило меня во встрече с Движением. Не грандиозные жесты и не отношения с важными людьми, а то, что эта встреча меняла мою повседневность». Для него притягательней всего было то, что Движение, встреча с Движением меняла ту «сбивающую с ног» повседневность», о которой говорил Павезе. Движение есть встреча, событие, и мы хотим предложить его всем людям, и не важно, присоединятся они к нему или нет, признают ли они во Христе источник человеческого изменения, которое они видят и переживают на опыте, когда следуют. Это и значит «*бытие для*», и его определяют два фактора: «любовь к Иисусу Христу как единственная истинная причина всякого начинания и всякого присутствия» и «любовь к ближнему [в конкретных обстоятельствах его жизни]... под градом различных событий». Как же я могу «*быть для*»? «Неустанно разделяя ситуацию нужды, в которой находится другой человек, потому что подлинное основание любой нужды – это обращение, в большинстве случаев неосознанное, к Богу, ставшему человеком, подобным нам, чтобы вырвать нас из власти нашего зла»¹⁸⁴.

Проспери. «От перспективы ставить все на “чистую свободу” перехватывает дыхание. Сегодняшняя лекция стала для меня настоящей “коперниканской революцией”, которая не предлагает никаких подстраховок кроме непрерывного диалога между Его господствующим присутствием и сердцем. Я ощутил в ней настоящее “новое начало” для Движения, созвучное пастырскому учительству папы Франциска. Однако вместе с тем она глубоко меняет образ присутствия в мире Церкви (которая веками искала “место под солнцем”, или родину, как сказал бы отец Джуссани) и влечет за собой и существенные последствия в области экуменизма. В чем мы обретаем уверенность или, по крайней мере, где черпаем разумную убежденность в том, что это путь, по которому нас просит сегодня пройти Господь?»

Каррон. Уверенность появляется, когда то, чем мы живем нам соответствует. Как говорит отец Джуссани, вера – я никогда не устану повторять вам это – есть опыт в настоящем, который в самом себе находит подтверждение и благодаря которому я ощущаю целесообразность веры, ее неотъемлемость от потребностей жизни. И потому я не нуждаюсь ни в чем, кроме опыта соответствия, порождающего уверенность, как было

¹⁸⁴ См. сн. 164.

в случае Петра. Фразы вроде этой или другой, которая принадлежала святому Фоме и которую часто цитировал отец Джуссани («Жизнь человека опирается на привязанность, которая более всего ее поддерживает и в которой она обретает наибольшее удовлетворение»¹⁸⁵), указывают нам путь. Разумная уверенность в пути поддерживается удовлетворением, которое я испытываю в отношении со Христом, и оно настолько велико, что отношение со Христом, любовь к Нему становятся содержанием жизни. Однако, как мы неоднократно говорили в последнее время, открыть это человек может, только когда задействует свою свободу. Следовательно, единственный путь к другому пролегает через его свободу. Я могу лишь свидетельствовать о целесообразности отношения со Христом, чтобы другой открылся и свободно признал Его. Если потом его опыт подтверждается, как упоминается в вопросе, папой Франциском, то есть последней инстанцией Церкви, уверенность в пути возрастает.

Экуменическое значение также выявляется в опыте. Поразительно было наблюдать это на встрече в Вильнюсе: там собрались литовцы, украинцы, русские, белорусы и казаки, православные, католики и христиане других конфессий. Что оправдывало их совместное пребывание? Лишь притягательность встреченной харизмы. В нашей малости уже содержится подтверждение той революции, которая происходит без всякого насилия, когда христианство, преподнесенное, пережитое и засвидетельствованное определенным образом, согласно его природе, порождает притягательность, способную исцелять многовековые разделения. Тайна предоставляет нам такое подтверждение, и именно Тайне мы желаем быть послушными. Когда несколько недель назад я во время личной аудиенции рассказывал папе о Вильнюсе, на его лице читалось изумление.

Объяснить пережитое в Литве я мог лишь одним способом, вспоминая, о чем постоянно говорил нам отец Джуссани: христианство совершило в мире великую революцию. Воспользуюсь словами святого Павла: «Нет ни иудея, ни эллина, ни раба ни свободного, ни мужчины, ни женщины, ибо все мы одно во Христе Иисусе»¹⁸⁶. На протяжении нашей истории мы не раз убеждались в этом и потому можем быть уверены: оставаясь верными дарованной нам харизме, мы внесем наш вклад и в нынешнюю особую ситуацию в жизни Церкви, отмеченную множеством вопросов. Благодать харизмы позволила отцу Джуссани раньше других осознать, что поставлено на карту и в каком оправдании нуждается сегодняшний

¹⁸⁵ См. сн. 142.

¹⁸⁶ Гал. 3, 28.

человек. Именно поэтому он предложил нашему разуму и нашей свободе судить о христианстве, чтобы мы могли уловить в нем соответствие нашим человеческим потребностям. Ему удалось предвидеть наши наиболее острые вопросы и научить нас переживать христианство определенным образом, сообразным вызовам современности.

Вот почему настоящее можно назвать замечательным: оно позволит нам испытывать, как говорил Давиде, еще большую благодарность за полученные нами дары.

Попросим о том, чтобы в простоте сердца все глубже вживаться в предложение отца Джуссани, ведь тогда мы сможем увидеть, как жизнь каждого из нас расцветает во благо всех людей.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Митинг за дружбу между народами

На меня глубокое впечатление произвело то, как наши друзья из США пережили в январе фестиваль *New York Encounter*. Люди приезжали на это мероприятие из разных штатов и даже из Канады и шли на немалые жертвы, чтобы оплатить себе авиабилеты и гостиницу. Одни работали волонтерами, другие приехали как посетители, но всех объединяло желание встретиться, участвовать в этом событии, вовлекаться в происходящее, поскольку все осознали, что находились в месте, где для них могло случиться нечто благое.

То же самое нам хотелось бы пережить и на следующем Митинге в Римини. Пусть он станет местом, где совершается благо для каждого из нас и для друзей, которых мы встретим и пригласим, чтобы мы могли увидеть попытку выразить определенный опыт. Поэтому и только поэтому я призываю всех вас поехать на Митинг и провести там хотя бы один день.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: Деян. 15, 1–2.22–29; Пс. 66 (67); Откр. 21, 10–14.22–23; Ин. 14, 23–29

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ФРАНЧЕСКО БРАСКИ

Отрывок Евангелия, который мы только что слышали, призывает нас возобновить путь в настоящем, во время, данное нам здесь и сейчас, и готовит нас к приближающемуся празднику Вознесения Господня.

В начале 1970-х годов отец Джуссани говорил: «Мы можем пережить нашу веру только через *отсутствие* явных знаков могущества Христа, соответствующих нашим ожиданиям... Наше христианское призвание *становится* подлинным только через это отсутствие... Там, где уже нельзя увидеть Христа собственной персоной в действии, Его действие совпадает, отождествляется с мотивировкой и действиями нашей личности» (*Dalla liturgia vissuta: una testimonianza*).

В только что прочитанном Евангелии это совпадение и отождествление действий Христа с нашей мотивировкой и нашими действиями Сам Христос описывает словами «придем и обитель сотворим»: так Он с Отцом поступает в отношении учеников, с которыми устанавливаются отношения взаимной любви, взаимного милосердия.

Но для «сотворения» этой «обители», для постоянного присутствия в нас Христа и Отца есть вполне определенное условие – *соблюдать* Его слово. Глагол, использованный Иоанном, можно было бы лучше перевести как «*сохранять*» слово Христа: действительно, акцент делается не на этическом аспекте – исполнении приказания, а на сохранении истины этого слова, оберегании его от извращений и искажений, от вырождения.

Истина слов Христа состоит, прежде всего, в том, что это слова Отца, то есть они выражают отношение полной зависимости, делающее Христа в полной мере свободным и способным являть совершенный облик Отчего милосердия.

Кроме того, Господь добавляет: «Утешитель, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам». Следовательно, хранить слова Христа – значит не столько запирает их в рамках исчерпывающего определения, установленного раз и навсегда, а скорее постоянно подчиняться учению Утешителя, вступать в отношения и включаться в процессы, в которых значение слов Христа никогда не есть то, что нам «уже известно», но то, чему нас постоянно учит, напоминая и объясняя, Святой Дух.

Не случайно Господь называет Святого Духа «Параклитом»: Он Утешитель, а вместе с тем и адвокат, защитник. Так перед нами предстает

образ не учителя, который применяет диалектический и описательный подход, а верного и любимого товарища, никогда не оставляющего нас в самых разных обстоятельствах нашего пути.

Высший знак начала обозначенного процесса – дар мира, мир, который является не результатом медитативных усилий (именно таким путем люди ищут покоя) или отсутствия поводов для беспокойства, а дарованной победой (благодаря компании Духа Христова, посланного Отцом) над тревогой и страхом, рождающихся в конкретных жизненных обстоятельствах.

Все это вовсе не абстрактные мысли, а точные указания относительно метода, который Бог использует в жизни Церкви, что ясно подтверждает первое чтение из *Деяний апостолов*. Здесь мы видим краткое изложение рассказа о важнейшем для установления христианской идентичности событии, произошедшем в первые годы после Воскресения Господа. В Антиохии, где вера в Христа все больше утверждалась среди язычников, некоторые ученики иудейского происхождения утверждали, что для спасения необходимо, чтобы обращенные совершали обрезание и соблюдали все заповеди закона Моисеева.

За таким поведением стоят два типа динамики, и нам тоже их осознать, потому что они касаются нас непосредственно: с одной стороны, эти люди в совершенно безапелляционной манере устанавливали условия для спасения, независимо от Христа, как если бы в Нем не было ничего нового по сравнению с Ветхим Заветом; кроме того, их видение было близоруким и неразумным, поскольку оно даже не рассматривало гипотезу, что Бог мог действовать по-новому, но все-таки узнаваемым образом, то есть устанавливая Новый Завет, обещанный пророками.

Ответ Павла и Варнавы этим людям – простой рассказ о том, что они видели (именно на язычников, обратившихся к вере, Бог послал Святого Духа, совершив ту же Пятидесятницу, что дала начало присутствию Христа через Церковь, исполняющую свою миссию).

Значит, окончательное решение апостолов – не просто плод размышлений или попыток найти достойный компромисс, а скорее признание, наполненное водительством Святого Духа и *методом*, которому Он нас учит, чтобы мы могли читать историю: что «всякая истина» (Ин. 16, 13), полная истина действия Бога – *это не только догматическое содержание, которое полагается повторять*, но *принятие нового подхода, с помощью которого нужно смотреть на реальность, подхода, состоящего из уверенности в присутствии Бога, свободно и всегда по-новому выражающего Свою верность Завету* – Его желанию использовать милосердие, чтобы пробудить свободный ответ нашей любви.

Мы слышим обновленный призыв позволить Святому Духу учить нас пониманию слов Христа, а также Его любви и любви Отца. Исаак Сирийский, святой Сирийской Церкви, в седьмом веке, как раз во времена первого мусульманского нашествия, когда казалось, что все рушится, писал: «Как обильный водою источник не загрязждается горстью пыли, так милосердие Создателя не препобеждается пороками тварей». И еще: «Единая причина сотворения мира и пришествия Христа в мир заключается в явлении преизобильной милосердной любви Божией, которая привела в бытие то и другое».

Попросим, чтобы мы в послушании, исполненном благодарности за водительство папы Франциска и отца Хулиана, достигли такой прозрачности веры и суждения.

* * *

Regina Coeli

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ

Дорогие друзья,

когда мы осознаем, что объятия Бога – это объятия *Вечного Отца*, наше сердце, наш ум, наши действия обретают прочность, которой невозможно достичь никак иначе.

Попросим у Пресвятой Девы, чтобы она поддержала в единстве и свободе тех, кто встретил харизму Слуги Божия монс. Луиджи Джуссани.

С любовью посылаю особое благословение,

*кардинал Анджело Скола,
архиепископ Милана*

Дорогой отец Хулиан,

я рядом с вами во время этих духовных упражнений и поддерживаю вас в молитве и в слушании харизмы, которая возвращается к одной из самых любимых отцом Джуссани и всеми нами фраз из книги пророка Иеремии: «Любовью вечною Я возлюбил тебя, сжалившись над твоим ничтожеством» (ср. *Иер.* 31, 3). Это «милосердие» – правильная исходная точка, напоминающая нам о том, где наш исток и наша надежда, и позволяющая нам доброжелательно принимать все вызовы обстоятельств – прекрасные и положительные, а также горькие и проблемные.

В соответствии с учительством папы Франциска и с учетом должности, которую я занимаю в Конференции епископов Италии, позволю себе вернуться к разговору о вызове, каким является принятие мигрантов и забота об общем доме. Любовь, спасающая нас от небытия, побуждает нас быть милосердно радушными и учиться цельному взгляду на творение, который папа называет «интегральной экологией». В современном контексте, в том числе и в нашей жизни, эти вещи не сами собой разумеются.

Харизма Движения, состоящего из конкретных людей, приняла и возлюбила нас, и теперь из благодарности мы еще больше желаем учиться, жить в общении и свободно свидетельствовать.

Пусть благодать упражнений и ободрение, которое ты получил от папы Франциска несколько дней назад, согреют сердца членов нашего Братства и сделают их более послушными в узнавании харизмы, в следовании за ней и передаче ее всем. *Veni Sancte Spiritus, veni per Mariam.*

Обнимаю и благословляю в Господе,
*монс. Филиппо Санторо,
архиепископ митрополит Таранто*

Дорогой отец Хулиан,
по случаю ежегодных духовных упражнений Братства «Общения и освобождения» посылаю тебе свой привет, молитву и наилучшие пожелания.

Я с особой любовью помню весь наш народ и прошу тебя помочь мне твоей молитвой.

*Монс. Массимо Камизаска,
епископ Реджо-Эмилии – Гвасталлы*

Дорогой отец Хулиан,
я рядом с вами в эти дни духовных упражнений Братства в Римини, тема которых – слова Бога, обращенные к Израилю и к каждому из нас через пророка Иеремию: «Любовью вечною Я возлюбил тебя, сжалившись над твоим ничтожеством» (ср. *Иер.* 31, 3). В Святой Год милосердия самая большая помощь, которую мы можем оказать друг другу и предложить другими людям, нашим братьям, состоит в том, чтобы заново открыть эту уверенность и эту любовь: мы есть «ничто» в объятиях нежности Тайны, открывающей во Христе Свой благой лик.

Пусть действием Святого Духа эти упражнения принесут обильные плоды на благо Братства и ради еще более увлеченного служения Святой Церкви Божией. Молюсь о вас и прошу вас молиться обо мне в первые месяцы моего служения Церкви Павии.

*Монс. Коррадо Сангвинети,
епископ Павии*

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Его Святейшеству папе Франциску

Ваше Святейшество, по окончании духовных упражнений, собравших двадцать две тысячи членов Братства «Общения и освобождения» в Римини, а также еще несколько тысяч человек, присоединившихся к ним по спутниковой связи в шестнадцати странах, мы ощущаем благодарность за Ваше послание, которое, подобно ласке Христовой, позволяет нам испытать изумление учеников перед Воскресшим.

Вспоминая о том, как на протяжении истории Бога волновала судьба израильского народа, мы ощутили, что призыв пророков к обращению касается нас, и в «да», которое Петр сказал перед не знающим пределов объятием Христа, мы признали начало новой нравственности, о какой и Вы говорили нам 7 марта.

Именно благодаря этому милосердному объятию появляется желание отвечать и меняться, и именно от него может взять начало другая жизнь. Мы никогда не сталкивались ни с чем более освобождающим. Сознавая, что свидетельство рождается только от благодарности за действие Христово, мы возвращаемся домой, полные желания воплотить в жизнь задачу, которую вы вверили нам: «Чтобы те, кто следует за харизмой покойного монсеньора Луиджи Джуссани, свидетельствовали о милосердии, исповедуя его и воплощая в жизнь, и да будут они знаком нежности Бога» перед лицом израненного человечества, которое и не надеется на спасение, но все же мучительно ищет его.

Служа мессу, кардинал Бассетти, архиепископ Перуджи, напомнил нам словами отца Джуссани, что «подлинным главным героем истории является просящий: Христос, просящий сердца человека, и сердце человека, просящее Христа». Мы желаем подражать Богу и быть как Иисус, чтобы возвещать всем людям, с которыми встречаемся, то милосердие, с каким Христос относится к нам. Мы желаем выполнять высшую задачу свидетельства, следуя за Вами, Святейший Отец, за пророком, посланным нам Господом во времена эпохальных перемен ради нашего обращения, и подчеркивая, подобно Вам, то положительное, что, пусть даже в несовершенном виде, мы находим в любом человеке, оставляя все прочее милосердию Отца.

Уверяем Вас в том, что каждый из нас ежедневно возносит молитвы о Вашем служении на престоле святого Петра, и жертвуем все наши тяготы и лишения ради того, чтобы Церковь все больше становилась в мире притягательной обителью испуленной человечности.

Священник Хулиан Каррон

Его Святейшеству папе на покое Бенедикту XVI

Святейший Отец,

духовные упражнения Братства были отмечены призывом папы Франциска к обращению, чтобы в этот Святой год мы были свидетелями милосердия для современного человека, который так сильно нуждается в благодати и прощении, как Вы недавно сказали.

Осознавая, что в Своих отношениях с людьми Бог использует тихий и неприметный метод, желая не «подавлять внешней силой, но давать свободу и пробуждать [любовь]», просим Вас молиться о всем нашем Братстве, чтобы мы, живя перед Христом с такой же простотой, как и отец Джуссани, обновляли наше «да» Господу, Который не перестает проявлять милосердие к нашему ничтожеству.

Со своей стороны, продолжаем спрашивать для Вас того разумения реальности, которое рождается из разумения веры, чтобы еще долго Вы продолжали быть нашим другом и отцом в вере.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству кардиналу Анджело Баньяско,
председателю Конференции епископов Италии*

Ваше Высокопреосвященство,

двадцать две тысячи членов Братства «Общения и освобождения», собравшиеся в Римини на духовные упражнения в этом Святом году милосердия, принимая призыв папы Франциска к обращению, обновляют желание исповедовать и воплощать милосердие в итальянском обществе, чтобы быть знаком ласкового прикосновения Христа, достигающего других людей, наших братьев, чтобы они могли пережить опыт спасающих нас объятий Отца.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству кардиналу Станиславу Рылко,
председателю Папского совета по делам мира*

Ваше Высокопреосвященство,

двадцать две тысячи членов Братства «Общения и освобождения», собравшиеся в Римини на духовные упражнения в этом Святом году милосердия, заверяют, что усердно будут стремиться к обращению,

чтобы свидетельствовать о красоте милосердия израненному человечеству, жаждущему спасения, которое может дать только Христос.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству кардиналу Анджело Сколе,
архиепископу Милана*

Дорогой Анджело,

с благодарностью за твое сообщение уверяем, что эти упражнения стали возможностью для обращения, к которому постоянно призывает нас папа Франциск, и для переживания опыта единства в свободе, который Христос делает возможным для тех, кто уступает притягательности Его милосердия, проявляющегося в жизни Церкви, милосердия, своей силой и верностью превосходящего любое наше сопротивление и рассеянность.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству монс. Филиппо Санторо,
архиепископу митрополиту Таранто*

Дорогой Филиппо,

благодарим за твои слова и уверяем, что с живой памятью об отце Джуссани и в следовании за папой Франциском, призывающим нас к обращению, мы хотим служить Церкви, передавая всем людям то милосердие, с каким Христос склонился над нашим ничтожеством и принял нас, как отец принял блудного сына.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Преосвященству монс. Массимо Камизаске,
епископу Реджо-Эмилии – Гвасталлы*

Дорогой Массимо,

твое сообщение нашло наш народ, собравшийся в Римини, единым в памяти об отце Джуссани, нашем отце в вере, и следующим за папой Франциском, который призывает нас к обращению, чтобы мы были свидетелями милосердия.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Преосвященству монс. Коррадо Сангвинети,
епископу Павии*

Дорогой Коррадо,

спасибо за твое письмо. В течение этих дней мы смогли пережить на опыте, что Христос заключает в объятия наше ничтожество, и это рождает в нас бесконечную благодарность и желание служить Церкви, следуя за папой Франциском и свидетельствуя о красоте милосердия, которое есть единственная надежда для израненного современного человечества.

Свящ. Хулиан Каррон

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ

Составитель – Сандро Кверичи

(Список изображений, показом которых сопровождалось произведение классической музыки, звучавшие перед началом и по завершении встреч.)

Цикл из епархиального музея Салерно

Резные костяные плакетки относятся к раннему Средневековью (конец XI века) и составляют наиболее полный из дошедших до нас циклов этого периода. По всей видимости, они украшали епископскую кафедру. Сюжеты отражают основные моменты истории спасения, которая рассказывается сдержанным и в то же время ясным символическим художественным языком, характерным для указанной эпохи. Милосердие Отца, творящего все сущее из небытия, продолжает действовать и в жизни великих патриархов: Ноя, Авраама, Моисея – и достигает высшей точки в Сыне. Милосердие Христа, свидетельствующего об Отце, предлагает человечеству возможность нового отношения с реальностью, которое в полной мере раскрывается благодаря приношению себя и находит свершение в принятии дара Духа. Любой жест человеческого милосердия имеет смысл лишь в той мере, в какой он свидетельствует о милосердии Троицы.

Сотворение звезд
Сотворение растений
Сотворение рыб и птиц
Сотворение наземных животных
Сотворение женщины
Искушение и первородный грех
Изгнание из Рая
Труд прародителей
Жертвоприношение Каина и Авеля
Убийство Авеля и бегство Каина
Бог повелевает построить Ковчег
Строительство Ковчега
Бог закрывает Ковчег
Окончание потопа
Бог благословляет Ноя
Ной выращивает виноград
Опьянение Ноя
Строительство Вавилонской башни
Бог являлся Аврааму в Сихеме

Жертвоприношение Исаака
Сон Иакова
Неопалимая купина
Бог вручает Моисею скрижали Завета

Посещение Пресвятой Девой Марией Елизаветы
Сомнение и сон Иосифа
Дорога в Вифлеем
Рождество
Возвещение пастухам
Сретение Господне
Волхвы перед Иродом
Поклонение волхвов
Сон Иосифа
Бегство в Египет
Избиение младенцев

Брак в Кане
Крещение Иисуса
Призвание Петра и Андрея
Встреча с самарянкой
Умножение хлебов
Исцеление расслабленного
Исцеление слепорожденного
Преображение
Воскрешение сына наинской вдовы
Исцеление больного водянкой и калек
Воскрешение Лазаря и вход в Иерусалим
Тайная Вечера и омовение ног
Распятие
Сошествие в ад
Жены-мироносицы у Гроба
Иисус являлся женщинам
Женщины рассказывают о явлении Христа апостолам
Ученики на дороге в Эммаус
Иисус являлся апостолам
Неверие Фомы
Явление Иисуса на Тивериадском озере
Вознесение
Сошествие Святого Духа

Содержание

ПОСЛАНИЕ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА ФРАНЦИСКА	3
-------------------------------------	---

Пятница, 29 апреля, вечер

ВВЕДЕНИЕ	4
----------	---

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО	20
--	----

Суббота, 30 апреля, утро

ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – <i>«Трепет сердца [Бога] есть жалость к твоему “ничто”»</i>	21
---	----

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА КАРДИНАЛА ГУАЛТЬЕРО БАССЕТТИ, АРХИЕПИСКОПА МИТРОПОЛИТА ПЕРУДЖИ-ЧИТТА-ДЕЛЛА-ПЬЕВЕ	44
--	----

Суббота, 30 апреля, вечер

ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – <i>«Да, Господи, Ты знаешь, что для меня Ты – объект высшей симпатии»</i>	50
---	----

Воскресение, 1 мая, утро

СОБРАНИЕ	73
----------	----

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ФРАНЧЕСКО БРАСКИ	92
--	----

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ	95
----------------------	----

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ	97
-------------------------	----

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ	101
----------------------------	-----

